

Алексей Ракитин

**Неизвестные серийные
убийцы. Хроники забытых
уголовных расследований**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Неизвестные серийные убийцы. Хроники забытых уголовных расследований / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602648-3

Современная масс-культура навязывает зрителю и читателю несколько шаблонных образов серийных убийц — Чикатило, Зодиак, Тед Банди... Но феноменология серийной преступности намного запутаннее этих затасканных образов. Автор предлагает читателю познакомиться с серийными убийцами, чьи имена и деяния давно забыты, а между тем, каждый из них по-настоящему уникален. Эта прогулка в пугающий мир психопатов не оставит равнодушными всех, интересующихся историей криминалистики и уголовного сыска.

ISBN 978-5-00-602648-3

© Ракитин А.

© Издательские решения

Содержание

Нерассказанная история серийного убийцы	6
Неизвестные происхождения неизвестного серийного убийцы	25
Попутчик	42
Тихая охота тихони	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Неизвестные серийные убийцы Хроники забытых уголовных расследований

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2023

ISBN 978-5-0060-2648-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нерассказанная история серийного убийцы

23 февраля 1903 г. частный детектив Эдвард Кинг (Ed King) из города Цинциннати, штат Огайо, начал расследование довольно заурядного на первый взгляд дела. Ему предстояло отыскать некую Ханну Годдард-Кнапп (Hannah Goddard-Knapp), в девичестве просто Ханну Годдард, по поручению её родного брата. Женщина проживала в городе Гамильтон, штат Огайо, в 20 км севернее Цинциннати [сейчас это единая городская агломерация]. Дело казалось довольно простым и, в принципе, брат сам мог потратить пару часов на розыск сестры, но существовала одна загвоздка, побудившая его обратиться к детективу.

Дело заключалось в том, что Ханна намеревалась развестись со своим супругом, имевшим дурной нрав, и планировала для этого от него сбежать. Она даже проконсультировалась на этот счёт в юридической конторе «Лемон Джилленхолд», чей офис располагался в городке Берлин, штат Нью-Хэмпшир. Муж ничего не мог узнать о специфическом любопытстве жены, поскольку Берлин был удалён от места проживания супругов на 1300 км.

Брат знал, что сестра наводила справки у адвокатов насчёт того, как лучше подать заявление о разводе, не встречаясь с мужем, а потому поначалу не очень-то беспокоился за Ханну. Однако она не подавала о себе вестей более 2-х месяцев, и это молчание его встревожило. Лично встречаться с брошенным мужем сестры брат, понятное дело, не хотел, а потому предпочёл нанять частного детектива, дабы тот разобрался на месте, что происходит в семействе Кнапп и где находится Хана.

Своё небольшое расследование частный детектив начал с места проживания Ханны – дома №339 по 4-й Саус-стрит (South Fourth str.). Явившись по нужному ему адресу, Кинг установил, что супругов Кнапп здесь довольно давно не видели – примерно с Рождества минувшего 1902 г. Брат Ханны потерял её из вида примерно тогда же. Это выглядело довольно странно, поскольку об отъезде они не предупреждали и вещи из дома не вывозили. Домовладелица, правда, тревогу поднимать не стала, поскольку супруги при заселении внесли большой залог и обратно его не потребовали. Это могло означать, что они рассчитывали вернуться назад. Сейчас, в конце февраля, комнаты Кнаппов были сданы новому арендатору, но вещи супружеской четы надлежащим образом были сложены и дожидались их возвращения. Разумеется, домовладелица не могла показать их частному детективу, поскольку у того не было прав их осматривать, но Кинг ни на чём таком и не настаивал.

Детектив задал несколько вопросов о характерах супругов и их отношениях и узнал, что они были людьми работающими и в материальном отношении отнюдь не бедствовавшими. Ханна зарабатывала трудом белошвейки – а мастерицы такого профиля в те времена были весьма востребованы – муж её, Альфред или Альберт (в американизированном варианте имени), тоже был человеком рукастым, работал плотником, деньги у него водились всегда. Что же касается отношений супругов, то таковые со стороны выглядели вполне благополучными. Альфред производил впечатление мужчины воспитанного, любезного, из числа тех, кто за словом в карман не полезет, к жене он относился уважительно. В этой паре скорее Ханна выглядела более грутально, нежели её муж.

Что и говорить, подобная характеристика выглядела довольно необычной и до некоторой степени сбивала с толку, особенно если вспомнить рассказ брата Ханны, из которого следовало, будто та боялась мужа, грозившего ей смертью!

Ханна Годдард-Кнапп.

О возможном разводе супругов Кнапп никто из опрошенных детективом Кингом лиц не слышал. И даже не подозревал, поскольку отношения Ханны и Альфреда выглядели совершенно обычными, как у всех. Может быть, между ними и случались какие-то размолвки, но никто никого сковородкой не бил и даже голос не повышал – всем бы такую семейную жизнь!

Что-то в этой истории явно не сходилось!

Частный детектив вышел на улицу и отправился бродить по району, заговаривая с местными жителями и пытаясь собрать хоть какую-то информацию о супругах Кнапп и событиях, произошедших около Рождества минувшего года. Эдакая прогулка в стиле «подышу воздухом, повозу жалом»... Детектив не знал, кого он ищет, но получилось так, что нужный человек сам его нашёл.

Вот случаются же иногда в жизни престранные фокусы!

Мужчина, живший на удалении пары кварталов от дома супругов Кнапп, узнав, что Кинга интересуют события, связанные с домом №339, припомнил любопытную деталь. Проходя мимо этого дома накануне минувшего Рождества – то есть 23 декабря 1902 года – он увидел человека, пытавшегося загрузить в фургон большой деревянный ящик с инструментами. Специальный такой ящик для мотыг, в местном хозяйственном магазине похожие продавались за 15 центов. Ящик был явно тяжёлым, и собеседник Кинга вызвался помочь. Вдвоём они благополучно уложили ящик на дно фургона и немного поболтали. Судя по тому, что в доме №339 в декабре проживал только один мужчина средних лет, владельцем тяжёлого ящика мог быть лишь Альфред Кнапп. Да и известным приметам последнего владелец ящика хорошо соответствовал.

Собеседник детектива сообщил ему две детали, показавшиеся особенно интересными. Во-первых, на вопрос, собирается ли он переезжать, владелец ящика ответил отрицательно, что было странно, поскольку именно тогда он и исчез! А во-вторых, фургон, в который был загружен подозрительный ящик, принадлежал местному извозчику, о чём уведомляла надпись на тенте.

Частный детектив поспешил к извозчику и узнал, что повозка вместе с лошастью накануне Рождества была сдана в аренду человеку, представившемуся Альбертом Кнаппом. То есть предположение о том, что возню с ящиком затеял именно Кнапп, подтвердилось. Вечером того же дня он благополучно возвратил арендованное имущество. Владелец повозки поспешил заверить частного детектива в том, что ничего подозрительного в ней он не обнаружил.

Но перевозка тяжёлого ящика и последующее исчезновение обоих супругов выглядели очень подозрительно.

Взвесив все «за» и «против», Кинг решил поговорить с местными полицейскими.

Гамильтон, хотя и считался отдельным небольшим городом – население его составляло 25 тыс. жителей – входил в крупную городскую агломерацию Цинциннати с числом населения около 350 тыс. человек. В те времена большой его процент относился к категории фабричных и железнодорожных рабочих. Лица этой категории составляли довольно «токсичный» контингент, в том смысле, что будучи бедны и малообразованны, демонстрировали агрессивность и склонность к разного рода антисоциальному поведению (алкоголизм, азартные игры, разные формы бытового разложения и т.п.). Чтобы лучше представить себе криминогенную обстановку в Цинциннати той поры [и соответственно, в Гамильтоне], заметим, что в 1900 году, например, местная полиция произвела 13 291 арест. Заметьте, речь идёт о городе с численностью населения несколько более 300 тыс. человек! В городе было совершено 405 уголовных преступлений и 9554 мелких правонарушений (проступков), отмечены 2592 случая незаконного хранения оружия и 58 случаев агрессивного сумасшествия, потребовавших вмешательства полиции [по-видимому, речь идёт о «белой горячке»]. При этом следует иметь в виду, что целые категории преступных деяний в те времена в Соединённых Штатах преступлениями вообще не считались и в криминальную статистику, соответственно, не попадали (первое, что приходит на ум – это сбыт наркотических препаратов или насилие в семье). Кстати, сугубо для любителей игр «Что? Где? Почём?» можно добавить, что количество арестованных в Цинциннати в том году выходцев из Российской империи (146 человек) превышало аналогичные показатели для французов (52 арестованных), шотландцев (139), греков (65), канадцев (56) и китайцев (19 арестованных).

Криминогенная обстановка в Гамильтоне в начале XX века полностью соответствовала тому, что творилось в Цинциннати. Полицейская служба была нескучной, полиция крутилась, как белка в колесе, только успевала отнимать у публики незаконные «вольны» да заворачивать «ласты» местной алкашне, бросавшейся в алкоголическом угаре на родню и прохожих.

Слева: огайский полицейский со своей любимой подругой – 14-дюймовой дубинкой из американского дуба. Она не продаст, не обманет с лучшим другом и... раз в неделю спа-

сёт жизнь! Современные геймеры с большими животами и тяжёлыми задами даже представить себе не могут такой вот «real-time style» – ходить по улицам и на законных основаниях бить такой приبلудой по хребтине всякого, кто показался тебе подозрительным! И за такой адреналиновый драйв получать из городской казны зарплату! Вах! Справа: сотрудники высококомобильного сквадрона огайской полиции на бициклах, то бишь велосипедах. Кстати, нельзя не отметить полное соответствие экипировки сотрудников тогдашней полиции Цинциннати нынешним экологическим трендам и общей повестке.

По этой причине местные полицейские были вынуждены соображать быстро и действовать ещё быстрее – сама жизнь заставляла.

В местном управлении полиции внимательно выслушали рассказ приезжего детектива, после чего были сделаны кое-какие телефонные звонки. Очень скоро местные «законники» узнали, что в 1899 г. Альфред, он же Альберт Кнапп был осуждён судом города Коламбус (Columbus), столицы штата Огайо, за нападение на свою двоюродную сестру Элис Хилл (Alice Hill). Хотя обвинение в попытке убийства в ходе следствия было заменено на более лёгкую формулировку – причинение телесных повреждений не опасных для жизни – тем не менее, тамошние полицейские были уверены в том, что имело место именно покушение на убийство. Согласно показаниям Элис, двоюродный брат долго душил её, глядя в глаза, действовал он совершенно спокойно и неторопливо. Потерпевшая была уверена, что произошедшее явилось отнюдь не мимолётной вспышкой гнева, а совершенно осознанным выбором, хотя и немотивированным. По её словам, никаких скандалов или склок с Альфредом у неё никогда не было – он просто явился в её дом и напал...

Сержанты полиции Цинциннати (последние годы XIX-го столетия). Вполне возможно, что именно эти люди получили в феврале 1902 г. ориентировку на Альфреда Кнаппа.

История с нападением на Элис Хилл выглядела странной, но суд посчитал вину Кнаппа доказанной, и тот отправился в интересное место, где круглый год небо в клетку, а друзья – в полоску.

Вернулся он оттуда в июле 1902 года и вот на Рождество исчез вместе с женой. А перед тем загрузил в арендованный фургон тяжёлый ящик для мотыг. Но не факт, что с мотыгами...

К чести полиции Гамильтона следует отнести проявленную 23 февраля бдительность. Уже вечером того же дня ориентировка на отсутствующих без вести Альберта (Альфреда) Кнаппа и его жену Ханну Годдард-Кнапп разлетелась по всем полицейским подразделениям и службам шерифов штата Огайо, а также соседним штатам – в Индиану, Кентукки, Западную Вирджинию, Пенсильванию и Мичиган.

Не прошло и 48-и часов, как поступило сообщение из города Индианаполиса, столицы штата Индиана, удалённого от Гамильтона на 120 км, гласившее, что Альфред Кнапп задержан. Разумеется, интерес представлял ответ на вопрос, находился ли он там с женою? Да, он проживал в Индианаполисе с женою. И нет – это была не Ханна Годдард-Кнапп.

Интересный поворот, правда? Но подождите, дальше стало интереснее!

У разыскиваемого уже была новая жена – некая Энн Мэй Гэмбл (Anna May Gamble), с которой он бракосочетался 4 февраля 1903 года, то есть за 3 недели до задержания.

Как неожиданно, правда? Или, напротив, ожидаемо – это как посмотреть...

Кнаппу предложили добровольное возвращение в Гамильтон либо, в случае отказа, пообещали формальный арест и последующую принудительную экстрадицию по решению суда. Последний вариант сулил задержку возвращения в несколько месяцев, и большинство преступников обычно предпочитали дожидаться экстрадиции. Альфред, однако, упираться не стал и неожиданно легко согласился. Поехали, дескать [примерно как Гагарин, хотя, конечно же, не Гагарин]! Это выглядело необычным и наводило на мысль о его непричастности к исчезновению Ханны, ведь если бы он знал за собой грехи, то постарался потянуть время!

Поезд из Индианаполиса до Гамильтона в начале XX века шёл всего 1,5 часа, так что в тот же день 25 февраля задержанный уже сидел перед детективами, объявившими его в розыск. В здание Департамента полиции вскоре прибыла Сэйдди Венцель (Sadie Wenzel), одна из трёх родных сестёр Альфреда. Вместе с нею приехал приглашённый ею адвокат из Цинциннати по фамилии Тэнни (Тенпу, встречается другое написание фамилии – С. Е. Tenney). Адвокат присутствовал при первом допросе Кнаппа. Впрочем, и при последующих допросах он присутствовал также.

Допрос оказался очень интересным и во многих отношениях неожиданным.

Сначала полицейские поинтересовались, подтверждает ли Кнапп факт своей женитьбы на Энн Мэй Гэмбл 4 февраля, и после утвердительного ответа сообщили, что задержанному надлежит либо доказать факт развода с Ханной Годдард-Кнапп, либо факт её смерти. В противном случае он будет обвинён в двоежёнстве – это преступление, кстати, в те времена рассматривалось как нечто совершенно неприемлемое, отвратительное и унижительное. Да-да, именно унижительное, поскольку на мужчин-двоежёнцев смотрели как на глупцов, попытавшихся обмануть Бога. То есть это было деяние, посягавшее на сакральные основы общества. Хуже была только содомия...

Стражи Галактики на страже Галактики, вернее, полиция Цинциннати готова к выезду по вызову (июль 1910 г.). Отличная фотография, прямо на рабочий стол компьютера годится!

Кнапп посидел немного, посмотрел в окошко (недолго) ... а затем спокойно сказал, что убил Ханну. Адвокат тут же вмешался, заявил, что настаивает на необходимости поговорить с подзащитным в глаза на глаз, но Альфред остановил его, сказав, что хочет сделать заявление. После этого продолжил свой монолог и предложил такую версию тех драматических событий: проснувшись утром 22 декабря, он испытал потребность убить спящую Ханну и тут же потребность эту удовлетворил. После этого, придя в себя, он испытал ужас от содеянного и задумался над тем, что делать далее? Отправившись в ближайший хозяйственный магазин, Альфред купил ящик для мотыг и попытался уложить в него труп жены... труп не помещался – ящик был гораздо короче – тогда он подогнул ноги трупа в коленях и... засунул-таки его в ящик!

Затем он направился к местному извозчику, предлагавшему аренду повозки с лошадью, и взял на полдня фургон. Всё было хорошо – лошадь послушная... повозка широкая... вот только ящик с трупом оказался очень тяжёлым! Альфред честно признался, что не мог поднять с земли всего-то на 1 метр ящик с телом убитой супруги. Проблема казалась неразрешимой, но помог какой-то прохожий, добрый самаритянин. Рахат ему, лукум ему, халвы ему и долгих лет жизни!

Ящик с трупом жены от отвёз примерно за 2 мили (~ 3 – 3,2 км) от дома в безлюдный район с говорящим названием «Linden wald» (Липовый лес). Там он столкнул ящик с повозки, дотащил до густых зарослей ивняка и опустил в воды реки Майами. Вот и всё, как в известной песне известной рок-группы «зачем делать сложным то, что проще простого».

Сделав это признание, Кнапп попросил разрешения написать короткое письмо любимой супруге – той, которая оставалась ещё жива и ничего не знала о судьбе суженного. Полицейские подумали-подумали, да и разрешили написать цидулку, поинтересовавшись между делом, была ли любимая и пока ещё живая жена осведомлена о судьбе жены предыдущей? Кнапп, не долго думая, кивнул и добавил между делом, что он всегда был честен с любимыми женщинами и все его жёны всегда знали о его проделках. Фраза эта заставляла задуматься, но именно в ту минуту внимания к себе не привлекла, ибо полицейские размышляли на иные темы.

Получив письменные принадлежности, Альфред Кнапп настроил короткое ласковое письмо, точнее, записку, гласившую: «Моя дорогая жёнушка: я напишу тебе несколько писем, чтобы ты знала, как у меня идут дела. Для меня происходящее выглядит очень мрачно, и поэтому нам следует ожидать худшего. Я не знаю, что они сделают со мной, но я ожидаю, что это будет пожизненное заключение в Коламбусе, штат Огайо, поскольку они идут по следу Ханны. Они не нашли её тела, но могут найти её к тому времени, когда вы получите это письмо».¹

В общем-то, дело было раскрыто. И хотя сестра Кнаппа, узнав о признании брата, сразу же заявила о его слабоумии и неспособности контролировать себя из-за попадания молнии в детские годы, это уже никого не интересовало – признание было сделано, и вопрос о вменяемости или невменяемости убийцы предстояло решить суду.

Проницательный читатель наверняка уже догадался, что Альфред Кнапп не привлёк бы внимания автора, и очерк этот никогда бы не был написан, если бы история закончилась признанием, прозвучавшим из уст задержанного 25 февраля. Она действительно не закончилась, признание, сделанное Кнаппом вечером 25 февраля, оказалось лишь прологом более радикального заявления.

Проведя ночь в гостеприимной камере в здании Департамента полиции, Кнапп поутру 26 февраля заявил, что хотел бы сделать официальное заявление в присутствии нотариуса и мэра города. Приглашению последнего удивляться не следует – в начале 1903 г. в Огайо начался административный эксперимент по передаче оперативного управления полиции городским советам, при котором мэр города фактически превращался в начальника полиции.

После того, как пожелание Кнаппа было выполнено и мэр и городской нотариус прибыли для встречи с арестованным, тот рассказал о совершённых ранее преступлениях и подписал соответствующий «стейтмент» (нотариально заверенное заявление).

Текст этого лаконичного документа гласил: «21 января 1894 года я убил Эмму Литтлман на складе пиломатериалов на улице Гест в Цинциннати. 1 августа 1894 года я убил Мэй Эккерт на Уолнат-стрит, напротив офиса YMCA в Цинциннати. 7 августа 1894 года я убил свою жену Дженни Коннорс-Кнапп под мостом через канал на Либерти-стрит в Цинциннати и сбросил её тело в канал. В Индианаполисе в июле 1895 года я убил Айду Гебхардт. 22 декабря 1902 года я убил свою жену Энни Кнапп на Южной Четвёртой улице, 339, в Гамильтоне, и сбросил её тело в реку в районе Липового леса. Это чистая правда.

Альберт Кнапп.

Я делаю это заявление добровольно и без принуждения со стороны должностного лица или кого-либо ещё.

(Подпись) Альберт Кнапп.

Поклялся мне [в правдивости заявления] 26 февраля 1903 года.

(Подпись) К. Ф. Бош, мэр.»²

Сказанное прозвучало шокирующе, породив с одной стороны недоверие заявлению Кнаппа, а с другой – сомнения в его нормальности. Полицейские немедленно вызвали психиатров для освидетельствования состояния арестанта. Группу врачей возглавил доктор Хастон

¹ Дословно на языке оригинала: «My Dear Little Wife: I will drop you a few the to let you know how I am getting along. It looks very dark for me, and so we will have to expect the worst. I don't know what they will do with me, but I expect it will be life in prison at Columbus, O., as they are on the track of Hannah. They have not found her body, but may find her by the time you get this letter.»

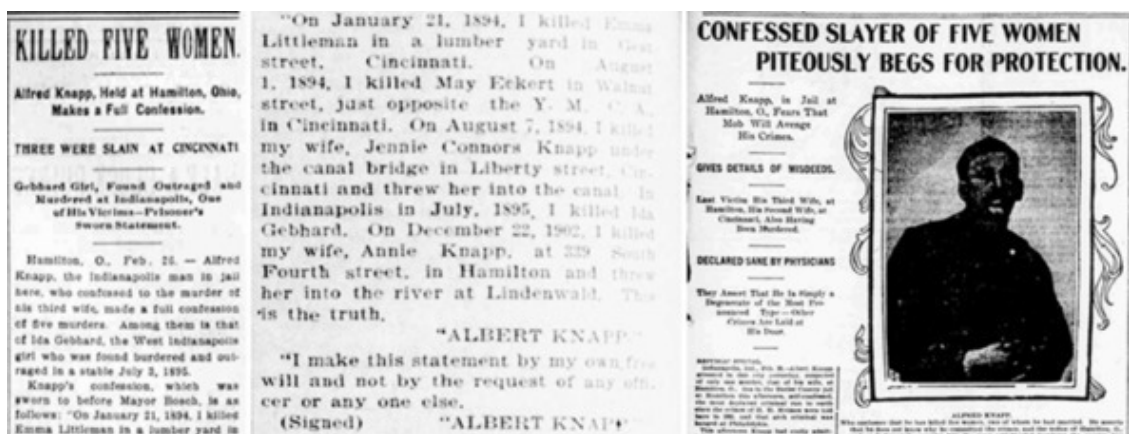
² На языке оригинала: «On January 21, 1894, I killed. Emma Littleman in, a lumber yard in Gest street, Cincinnati. On August 1, 1894, I killed May Eckert, in Walnut street, opposite the Y. M. C. A. in Cincinnati. On August 7, 1894, I killed my wife, Jennie Connors Knapp, under the canal bridge in Liberty street, Cincinnati and thirew her into the canal. In Indianapolis, in July, 1895, I killed Ida Gebhard. On December 22,1902, I killed my wife, Annie Knapp, at 339 South Fourth street, in Hamilton, and threw her into the river out by Linden wald. This is the truth. Albert KnappI make this statement of my own free will and not. by the request of an officer or anyone else. (Signed) Albert KnappSworn to before me this 26th day of February, 1903. (Signed) C. F. Bosch, Mayor»

(С. N. Huston), признанный специалист по душевным болезням, он работал с Кнаппом на протяжении последующих 2-х недель.

Вывод Хастона оказался вполне предсказуем и, по-видимому, точен. По мнению доктора, Кнапп представлял собой «тип ярко выраженного дегенерата» («degenerate of the pronounced type»), это был моральный извращенец, несомненно, вменяемый и юридически ответственный за свои поступки. Объясняя свой вывод, доктор Хастон указал на то, что «его нервная система в норме, рефлексy реагируют естественным образом, зрачки его глаз нормально чувствительны к свету, и в его семье нет безумия или эпилепсии. У него есть три сестры, одна из которых разведена со своим мужем, но все они достаточно умны. Сам Кнапп обладает низким уровнем интеллекта, но способен к образованию. Он способен спланировать и совершить преступление. Одним словом, он просто извращенец».³

После того, как газеты в Огайо и окружающих штатах дали информацию о сделанном Кнаппом признании, последний вдруг испытал странный (и несколько неожиданный в его положении) приступ тревоги. Он неожиданно заподозрил, что жители Гамильтона непременно решат его линчевать и уже собираются у стен здания Департамента полиции для штурма. Начиная с 27 февраля Альфред стал расспрашивать всех, контактировавших с ним, о людях на улице и количестве полицейских в здании. Он попросил детективов, чтобы те обратились к мэру Бошу с просьбой вооружить полицию винтовками и связались с правительством штата насчёт отправки в Гамильтон одной или двух рот Национальной гвардии.

Кнаппа успокаивали, уверяя, что никаких линчевателей перед зданием нет и полиция располагает достаточными силами для поддержания порядка, Альфред вроде бы успокаивался, но через четверть часа опять начинал тревожиться и просил проверить, всё ли спокойно на улицах. Такое поведение взрослого мужчины выглядело необычным, кое-кто из детективов даже заподозрил игру, призванную собрать сведения о полицейских силах и после этого предпринять попытку побега из-под стражи. Сразу внесём ясность и скажем, что попытку побега арестант не предпринял и не готовил вообще. Кнапп действительно боялся расправы толпы, но, скорее всего, это было следствие не малодушия, вернее, не только одного малодушия, но и не вполне нормального состояния психики.

Слева: первое сообщение в газете от 26 февраля 1903 года о сделанном Кнаппом признании в 5-и убийствах. В центре: текст лаконичного признания Альфреда Кнаппа, воспроизведённый в газетной публикации дословно. Справа: одна из первых больших статей об Альфреде

³ Дословно: «His nervous system is normal, the reflexes responding naturally, the pupils of his eyes were normally susceptible to light, and there is no insanity or epilepsy in his family. He has three sisters, one of whom is separated from her husband, but all are reasonably intelligent. Knapp himself is of a low order of intelligence, but capable of education. He has capacity to plan and execute a crime. In a word, he is a plain pervert»

Кнаппе в номере от 27 февраля была иронично озаглавлена «Сознавшийся в убийстве пяти женщин жалобно молит о защите».

Альфред явно был подвержен синдрому навязчивых состояний или какому-то схожему расстройству. Поэтому своими страхами – независимо от того, являлись таковые обоснованными или нет – он управлял плохо. Окружающие, по-видимому, не понимали этого и считали, что со стороны Кнаппа имеет место лишь притворство. Только сёстры арестанта пытались доказать, что Альфред на самом деле имел на протяжении всей жизни какие-то «непорядки с головой», и эти непорядки объяснялись перенесёнными травмами. Согласно рассказам сестёр, в возрасте около 5 лет Альфред был сильно травмирован молнией, ударившей в дерево, под которым он стоял [как известно, мощный электрический разряд при подобном ударе может распространяться на многие десятки метров во все стороны в зависимости от состояния почвы]. Кроме того, через пару лет мальчик был сильно травмирован лошадью, ударившей его копытом в голову.

Сложно сказать, насколько правдивы были эти рассказы, нельзя исключать того, что сёстры попросту выгораживали братца в меру своих ума и сообразительности. Во всяком случае, медицинский осмотр не выявил на теле Альфреда Кнаппа следов, которые можно было бы объяснить поименованными выше травмами.

Как развивались события далее?

Разумеется, сообщённые Альфредом сведения подверглись проверке, а сама его личность внимательному изучению. Выяснилось, что родился Альфред Кнапп в городе Гринзбурге (Greensburg), штат Индиана, в 1863 г., то есть на момент описываемых событий ему шёл 40-й год. Семья долгое время проживала в городке Терре-Хот неподалёку от границы с Иллинойсом, на территории которого, напомним, находится Чикаго. Подросток мечтал поскорее уехать из сельской глуши и перебраться в большой город. Свой замысел Альфред реализовал в 1880 г., когда он оставил семью и направился в Чикаго. Большой город встретил юношу из провинции неласково, и в 1882 г. в возрасте 19 лет Альфред «присел» на полгода в знаменитую иллинойскую тюрьму в городке Джоллет (Joliet) за неудачную попытку ограбления магазина.

В действительности же истинная причина совершённого Кнаппом преступления заключалась вовсе не в экономических предпосылках вроде нехватки денег или голоде, а в потребности удовлетворить некие весьма специфические садистские наклонности. Он напал на продавщицу и попытался её задушить, но поскольку подобное нападение казалось чикагском «законникам» лишённым всякого смысла, они посчитали, что это была такая вот дурацкая попытка ограбления.

Тюрьма в городке Джоллет на удалении чуть более 60 км от Чикаго была широко известна в Соединённых Штатах, поскольку в ней в разное время содержались многие знаменитые пре-

ступники. Свои «тюремные университеты» Кнапп начал постигать именно в этом безрадостном месте.

На самом деле все известные преступления Кнаппа всегда были связаны с нападениями на женщин с целью их истязания, никаких меркантильных задач этот преступник перед собой никогда не ставил. Выйдя из тюрьмы, Кнапп попытался начать новую жизнь и женился на некоей Эмме Стаббс (Emma Stubbs) – об этой женщине ничего не известно, кроме её имени. Брак был зарегистрирован в 1884 г. и в том же году распался, Эмма подала на развод, и Альфред не стал чинить ей в том препятствия.

Тут, кстати, будет уместно отметить тот факт, что разводы в те времена являлись для Америки явлением нетипичным. В последней четверти XIX столетия в США фиксировалось не более 10 тыс. разводов в год, общество осуждало подобную практику. Для того, чтобы в такой обстановке женщина подала на развод, её надо было очень сильно вывести из себя. Неизвестно, что именно такого ужасного натворил Альфред Кнапп, но Эмма быстро разобралась в нюансах семейной жизни с этим человеком и положила ей конец.

Расставшись с Эммой, будущий убийца переехал в городок Мэдисон (Madison), штат Индиана, и наконец-то начал жизнь с чистого листа. Лист оказался быстро замаран, Альфреда заподозрили в нападении на женщину, едва не закончившимся её смертью. Оpozнание, правда, провалилось, но шериф рекомендовал подозреваемому уехать из города, ибо репутация Альфреда не позволяла гарантировать его безопасность. Альфред думал недолго и, собрав холостяцкие пожитки, перебрался в городок Лоуренсбург (Lawrenceburg), удалённый от Мэдисона на 65 км. Что интересно – оба населённых пункта находились на границе штатов Индиана и Кентукки, что предоставляло опытному злоумышленнику замечательную возможность совершить преступление на территории под одной юрисдикцией и быстро скрыться на территории под другой. Тот, кто читал мою книгу «Все грехи мира», без труда вспомнит, как эту тактику продемонстрировал на практике её антигерой, предпочитавший действовать на границе штатов и быстро переезжавший на территорию соседнего штата после нападения.

В Лоуренсбурге Альфред в 1886 году женился на Дженни Коннерс (Jennie Connors). Но счастье оказалось недолгим! В том же году Кнапп схватил за горло и придушил девушку, после чего бежал с её сумочкой. Потерпевшая осталась жива, и Альфред отправился в тюрьму в городе Джефферсонвилль (Jeffersonville) на 2 года. Едва освободившись, он совершил новое нападение, во всём аналогичное предыдущему, и результат оказался также аналогичным, с той только разницей, что теперь Кнапп отправился в ту же тюрьму уже на 6 лет.

Освободившись в первых числах января 1894 года, Альфред уговорил супругу отправиться в Цинциннати, где проживала его многочисленная родня. Свобода пьянила Кнаппа, он испытывал сильную потребность напасть на женщину и придушить её – не обязательно именно до смерти... просто придушить и почувствовать наслаждение от того, как слабеет жертва в руках. Кнапп признался на допросах, что не мог контролировать свою потребность душить женщин, он нападал всегда, когда чувствовал, что ему это может сойти с рук. Секс ему был не нужен, во время душения он не пытался заниматься с жертвой сексом либо какой-то суррогатной стимуляцией – он испытывал сильное половое возбуждение от самого процесса удушения и переживал семяизвержение, вообще не прикасаясь к своему половому органу. Тут, кстати, напрашивается явная аналогия с Владимиром Винничевским, который рассказывал об аналогичном возбуждении, возникавшем в момент душения жертвы⁴.

⁴ Преступлениям Винничевского и истории разоблачения этого серийного убийцы посвящена книга А. Ракитина «Уральский Монстр», изданная с использованием возможностей книгоиздательского сервиса «ридеро» и ныне находящаяся в продаже на всех интернет-платформах книжной торговли.

Вечером 21 января 1894 г. Кнапп пригласил Эмму Литтлман, дешёвую уличную проститутку, на заброшенный склад пиломатериалов на улице Гест. Предполагалось, что они займутся «сексом по-быстрому», поскольку было холодно и интимное соитие в общедоступном месте грозило обоим реальным тюремным сроком. Но Кнапп не собирался заниматься сексом с Эммой – в тюрьме он мечтал задушить женщину, но там не было женщин, а с мужчиной справиться тщедушный Альфред не мог. И вот теперь он получил возможность реализовать замысел, который лелеял несколько последних лет!

Он задушил Эмму и понял, что это – то, что ему нравится делать! И теперь он непременно продолжит этим заниматься! Тело убитой женщины он замаскировал старыми досками, где оно и пролежало почти полгода. Когда его случайно обнаружили в июне 1894 г., коронер без долгих колебаний назвал в качестве причины смерти самоубийство. Дескать, женщина явилась на склад, самоубилась и навалила на себя сверху доски – так оно обычно и бывает с самоубийцами!

Альфред (он же Альберт) Кнапп.

При всей дикости и бесчеловечности своего стремления душить Альфред Кнапп при личном общении производил очень приятное впечатление – он был спокоен, воспитан, корректен и – что немаловажно! – нравился женщинам. В нём совсем не было пугающей женщин брутальности, маскулинности, агрессии, и пусть он не читал книг и не казался эрудитом, зато мог поддержать непринуждённый разговор о погоде, магазинных распродажах и видах на урожай. К середине 1894 года у него установились интимные отношения с Ханной Годдард, которой он признался в своей потребности душить женщин. Хотя он оставался женат на Дженни Коннерс-Кнапп, Ханна закрывала на это глаза и была готова принять участие в любых развлечениях любовника.

Альфред и Ханна задумали совместное убийство и замысел реализовали 1 августа 1894 г. в меблированных комнатах на Уолнат-стрит в Цинциннати. Кнапп привёл в арендованную комнату Мэри Эккерт (Mary Eckert), которую и задушил. Ханна присутствовала при этой расправе и помогла любовнику. Мэри была усажена на стул, а Ханна села ей на колени, не позволяя подняться. Помимо этого она удерживала руки жертвы всё время, пока Альфред затягивал полотенце на её шею.

После этого Альфред занялся горячим сексом с Ханной и понял, кто станет следующей жертвой. Читатели наверняка это поняли и сами – следующей жертвой должна была стать жена Кнаппа! Что же касается трупа Мэри, то владелица «меблирашки» обнаружила его 4 августа. Коронер вынес вполне логичный вердикт о самоубийстве, ведь когда полотенце затянуто узлом на затылке – это всегда самоубийство!

Со своей благоверной Альфред разделался через неделю после убийства Мэри. Дженни Коннерс-Кнапп в последние дни своей жизни что-то почувствовала – она ушла из дома и не подпускала к себе Альфреда, стараясь не оставаться с ним наедине. Но муженёк изловчился и сумел усыпить бдительность Дженни. Он встретил её после работы 7 августа и предложил устроить небольшой пикник. В руках Альфред держал корзинку, полную всяческой снедь – бутылка вина, копчёная буженина, виноград...

Они спустились под мост, находившийся в том месте, где Либерти-стрит пересекала канал Майами в Цинциннати [сейчас этого моста не существует, а канал давно засыпан]. Пикник под мостом – это так романтично! Гораздо романтичнее свидания на кирпичном заводе или в общественном туалете...

Кнапп не стал тратить время на пустяки и сразу перешёл к содержательной части мероприятия. Он сноровисто задушил бывшую любимую жену и сбросил труп в канал. После этого отправился в полицию и подал официальное заявление об исчезновении благоверной. Затем пришёл домой, выпил вино и с аппетитом прикончил буженину с виноградом. В общем, провёл день с толком...

Труп Дженни был обнаружен в водах канала Майами 17 августа. Несмотря на его сильное разложение, коронер верно определил причину смерти – механическая асфиксия. Поскольку никаких оснований подозревать преступление не имелось, коронерское жюри постановило, что имело место самоубийство.

Альфред Кнапп вместе со своей второй любимой супругой Дженни Коннерс-Кнапп. Её он задушил 7 августа 1894 года во время романтического пикника под мостом через канал Майами в городе Цинциннати.

Муженька-рецидивиста никто ни в чём не заподозрил! Ну, какие могут быть подозрения – он же сам явился в полицию с заявлением об исчезновении любимой супруги?! И ведь не поспоришь...

Убедившись, что местные правоохранители никаких проблем ему не доставят, Альфред Кнапп вместе с Ханной Годдард уехал из Цинциннати. Чтобы начать жизнь с чистого листа и всё такое... вы понимаете, да?

Сначала они обосновались в городке Минси (Mincie), штат Индиана, затем перебрались в Индианаполис. В тот период Кнапп, по его собственному признанию, совершил большое количество нападений на девушек и женщин, но ни одна из них не умерла.

Однако в июле 1895 г. в ходе очередного нападения в Индианаполисе Кнапп задушил 13-летнюю Айду Гебхард. (Ida Gebhard). К этому времени манера его криминального действия уже получила законченный вид – преступник не тратил время на долгие разговоры, оказавшись с жертвой наедине, он действовал очень быстро, поскольку знал, что ему требуется всего-то 5—7 минут. Нападение на Айду протекало именно по такой схеме – Кнапп около полудня вошёл в совершенно незнакомый дом, не зная, кого там встретит. Он был готов к любому повороту сюжета, но всё получилось даже лучше, чем он хотел. На кухне он столкнулся с девочкой, усадил её на стул и без долгих разговоров стал душить.

Задушив, убежал! Всё...

О своей манере убивать Альфред рассказал в таких словах: «Я всегда убиваю сзади, я ставлю их перед собой, затем хватаю их за горло, упираюсь коленом в спину и сгибаю их. Они сопротивляются, но недолго. Они смотрят мне в лицо, но я не возражаю».⁵

Удушение 13-летней девочки уже никак нельзя было списать на самоубийство, и местная полиция возбудила расследование. Не дожидаясь его результатов, Альфред Кнапп со своей любовницей покинули Индианаполис и возвратились в Цинциннати.

Там в декабре 1895 года они бракосочетались. Так у Альфреда появилась жена – третья и самая любимая, ибо разделяла его сексуальные и садистские интересы.

В 1896 году Альфред попался на очень опасном для него деле – в городе Мичиган-сити (Michigan city) в штате Индиана он напал на 12-летнюю Бесси Драпьер (Bessie Drapier), и хотя бежал с места преступления, его запомнили свидетели и впоследствии опознали. Дело могло закончиться для Кнаппа весьма печально, ведь он прежде уже был судим в Индиане, а потому считался рецидивистом! Во время судебного процесса ему очень повезло, поскольку ряд важных свидетельских показаний был отведён, и приговор суда оказался на удивление мягким – всего 3 года лишения свободы. Выйдя из тюрьмы в 1899 году, Кнапп приехал к родне в Коламбус, штат Огайо, и... там напал на свою двоюродную сестру Элис Хилл (Alice Hill). В общем, вырвался на свободу, как кобель из передержки!

Родственники не стали сглаживать острые углы и заявили о покушении на убийство. И Альфред ещё на 3 года отправился к друзьям «в полоску». Невероятно, но Ханна Годдард-Кнапп его ждала! Проявленная ею верность в те годы подтверждает слова Кнаппа о полной осведомлённости супруги о криминальных проделках муженька. Её явно всё устраивало, и она была согласна на протяжении многих лет ждать возвращения своего благоверного из мест лишения свободы.

⁵ Дословно: «I always kill from behind, I get them in front of me. Then I clutch them by the throat, placing my knee on the back and bend them over. They struggle, but not long. They look into my face, but I don't mind that.»

В июне 1902 года Альфред в очередной раз освободился из тюрьмы и возвратился к Ханне в Гамильтон. Зажил он почти счастливо, однако Альфред вскоре отметился в довольно странной истории, породившей впоследствии большое количество пересудов и разного рода подозрений.

14 сентября 1902 года произошло жестокое нападение на детей местного портного по фамилии Мотцер (Motzer). Преступник действовал в манере очень похожей на ту, что демонстрировал Кнапп – он вошёл в дом и без долгих разговоров напал на девочку, но... в доме находился её младший брат, который, перепугавшись, стал кричать. Преступник погнался за ним, но тут стала кричать девочка. В общем, злоумышленник потерял контроль над ситуацией и бежал, при этом его видели несколько человек. Вскоре они успешно опознали негодея. Нападавшего звали Джои Рот (Joe Roth), и он по иронии судьбы оказался довольно похож на Кнаппа.

Такова завязка истории.

Нападение на детей Мотцер наделало много шума, что легко объяснимо – Гамильтон был небольшим городом, и такое там происходило нечасто! Преступление заинтересовало Кнаппа, догадавшегося, что где-то неподалёку живёт некто, очень на него похожий. После своего ареста в феврале 1903 г. Альфред признался, что решил разыскать этого человека – ещё до того, как Рот был задержан полицией – и для этого явился в дом Мотцера, представившись новым детективом. Он опросил членов семьи и соседей, собрал необходимые сведения, но они ему негодились, поскольку Джои Рота вскоре арестовала полиция.

Однако история о некоем человеке, выдававшем себя за детектива, но таковым не являвшимся, не была забыта. Полиция узнала, что некто, изображавший из себя полицейского, навещал потерпевших и навёл справки с неясной целью. Осенью 1902 г. разобраться с этой историей не удалось, но после признаний, сделанных Кнаппом в конце февраля 1903 года, возникла вполне разумная версия о том, что на детей Мотцера напал вовсе не Рот, а именно Кнапп. Версия эта горячо обсуждалась, её подхватили адвокаты Джои Рота, было проведено несколько опознаний. В конце концов, полиция и окружная прокуратура убедились в том, что рассказ Кнаппа правдив и на детей действительно напал Джои Рот, но в Гамильтоне многие верили в ошибочность этого вывода и невиновность последнего.

В том же сентябре 1902 г. Кнапп стал планировать нападение на двух сестёр Грэхэм (Graham) – очень привлекательных девушек 16 и 14 лет. Однако история Джои Рота, не справившегося с контролем двух человек, навела Кнаппа на мысль о необходимости сообщника. Альфред обратился к своему приятелю – 30-летнему Чарльзу Кэблу (Charles Cable), судимому прежде за изнасилование – с заманчивым предложением. Задуманное Кнаппом нападение должно было развиваться по такой схеме: они вдвоём нападают на девушек, Кэбл их насиловает, а Кнапп – душит. Каждый получает, что ему надо, а дом после этого можно обворовать и поживу разделить!

Однако идея Чарльзу Кэблу не понравилась. Не совсем понятно, что его остановило – то ли здравый смысл, то ли сама личность Кнаппа доверия не вызывала – но Кэбл отказался иметь дела с Альфредом, и тот не смог реализовать задуманное.

После ареста Кнапп рассказал об этом плане, и Кэбл на допросе подтвердил правдивость этой информации. Поскольку недонесение о готовящемся преступлении само по себе образует состав преступления, Чарльз Кэбл пояснил, что не принял болтовню Альфреда всерьёз и не подумал, будто тот и впрямь собирался совершить нападение на девушек.

Утром 22 декабря 1902 г. Альфред задушил свою любимую третью жену Ханну, когда та ещё лежала в постели. Свою потребность убить женщину он рационально объяснить не смог, заявив только, что испытал сильное желание задушить кого-либо, а никого, кроме жены, рядом не оказалось. Когда детективы сообщили Альфреду, что его любимая Ханна готовилась к разводу и даже навела у адвокатов необходимые справки, Кнапп не поверил. Он настаивал

на том, что их совместная с Ханной жизнь была очень даже неплохой, и они прекрасно понимали друг друга.

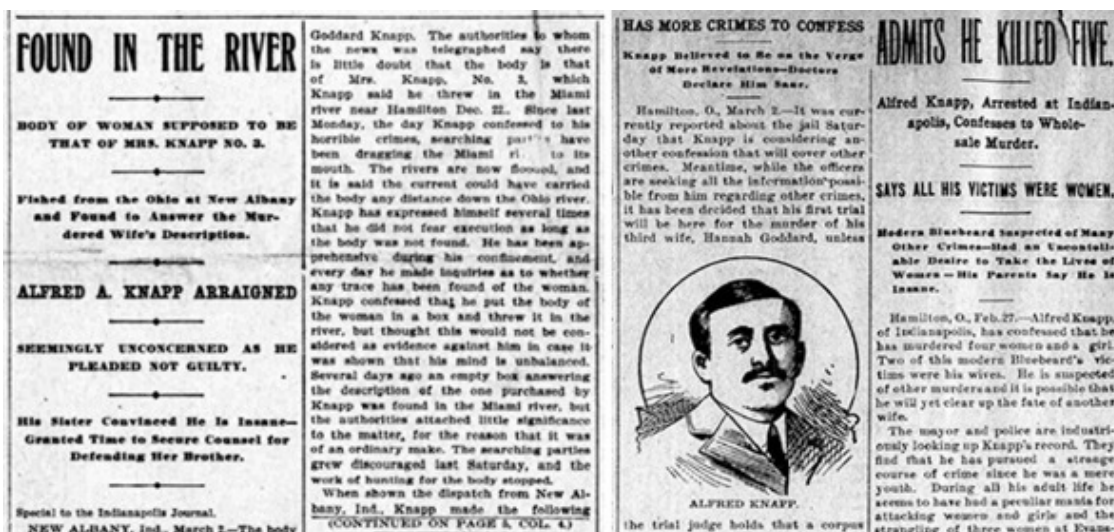
После убийства любимой третьей жены Альфред отправился погостить к любимой сестрёнке Сэйди в Цинциннати. Там он пробыл три дня – 23, 24 и 25 декабря – всё время был очень спокоен и находился в прекрасном расположении духа, но в последний день вдруг испытал необъяснимую тревогу, заявил, что жена его пропала без вести и он отправляется её искать. С тем и отчалил, вызвав у сестры и её мужа смешанное чувство недоверия и тревоги.

26 декабря он пробыл в Гамильтоне, после чего отправился в Индианаполис, где 2 января познакомился с Энн Мэй Гэмбл. Их бурный роман развивался стремительно и однонаправленно, Альфред понял, что в очередной раз встретил женщину своей мечты. Он рассказал ей, что задушил жену, но Энн это не смутило, она ответила, что ей безразлично, что он делал ранее (дословно: «It don't make any difference to me what you have done»). Восхищённый новой возлюбленной, Альфред сделал ей предложение, и они без лишних проволочек бракосочетались 4 февраля.

Как нетрудно догадаться, Энн отвергала какую-либо осведомлённость о проделках мужа, но Альфред настаивал на том, что она всё знала. Всякий раз, когда ему напоминали об этом противоречии, Кнапп хитро улыбался. Поначалу Энн Мэй рассказывала журналистам, как любит своего супруга и планирует регулярно встречаться с ним в случае его пожизненного осуждения, однако через несколько недель пафос четвёртой любимой жены немного убавился, и она перестала общаться с газетчиками.

Одним из важнейших направлений расследования стал розыск тела Ханны Годдard-Кнапп. Альфреда нельзя было предавать суду, не убедившись в том, что его третья любимая жена действительно мертва. Вы только представьте, какой бы случился скандал, если бы в зале суда появилась женщина, якобы убитая подсудимым!

2 марта 1903 года обезображенный труп был замечен в песке у Западной 4-й стрит в Гамильтоне. На место обнаружения тела прибыл окружной коронер Старр (Starr). При ближайшем рассмотрении выяснилось, что обнажённое тело принадлежит женщине средних лет – более ничего определённого сказать не представлялось возможным. Труп, раздувшийся из-за разложения и потому всплывший, подвергся сильным посмертным изменениям. Волосной покров полностью отсутствовал из-за сползания кожи ввиду мацерации. Из одежды на теле присутствовали только тёмные гольфы, завязанные под коленями синими тесёмками.

Слева: газетное сообщение об обнаружении 2 марта 1903 г. трупа, предположительно принадлежавшего Ханне Годдard-Кнапп. Справа: одна из многочисленных статей того времени, посвящённая состоянию расследования преступлений Альфреда Кнаппа.

Последующее изучение трупа в морге привело к обнаружению перелома голени, поверх которого была наложена повязка. При первоначальном осмотре на месте обнаружения она осталась незамеченной, т.к. её скрывал гольф. Также был обнаружен кусок хлопчатобумажной ткани, зажатый в подмышке – это, по-видимому, было то, что осталось от истлевшей майки или ночной сорочки. На различных частях тела – руках, плечах, животе, ногах – были отмечены многочисленные повреждения кожи, а на темени – протяжённое [около 5,5 см] рассечение мягких тканей.

Рост женщины при жизни составлял 173 см, что соответствовало росту Ханны Годдард-Кнапп. На безымянном пальце левой руки находилось довольно необычное 8-гранное золотое кольцо «с завитками». Кольцо не имело гравировки. В ушах трупа находились серьги из золотой проволоки.

Украшения помогли идентифицировать тело, которое ввиду значительных повреждений кожи и отсутствия волосяного покрова опознать было практически невозможно. Труп принадлежал Ханне Годдард-Кнапп.

Перелом голени, по-видимому, был прижизненным, а вот прочие повреждения – посмертными. Тело было сброшено в воду в ящике, однако ящик так и не был найден. По-видимому, он разрушился от многочисленных соударений о дно и с массивными предметами, плававшими в реке [прежде всего, с досками и брёвнами]. Именно этими соударениями и объяснялись многочисленные посмертные повреждения кожи трупа, обнаруженные судмедэкспертами.

Сильные повреждения тел утопленников от соударений о дно и плавающие предметы представляют собой явление, хорошо известное судебным медикам. А вот перелом голени и попытка его бинтования наводили на определённые размышления. Дело выглядело так, словно Ханне сначала сломали ногу, затем попытались оказать первую помощь и лишь после этого убили.

Истинная картина устроенной Альфредом Кнаппом расправы, по-видимому, сильно отличалась от той версии случившегося, что он озвучил в ходе следствия. Вполне вероятно, что преступник поначалу не хотел убивать благоверную и даже попытался оказать ей помощь, но затем произошло нечто, что побудило его изменить намерение. Но что это было, выяснить не удалось – Кнапп утверждал, будто ничего не знает о переломе ноги и вообще плохо помнит события утра 22 декабря.

Вскоре выяснилось, что это был отнюдь не единственный провал в его памяти. Другой оказался связан с событиями января 1903 г. Напомним, что в 1896 г. Кнапп был осуждён судом Мичиган-сити за нападение на Бесси Драпьер, причём тогда ему почти удалось ускользнуть из рук Правосудия. Судья отвёл часть важных свидетельских показаний, и у преступника появился неиллюзорный шанс быть оправданным и, покидая суд, весело посмеяться над напрасными усилиями «законников».

В конечном итоге присяжные всё же вынесли обвинительный вердикт, что вызвало неконтролируемую вспышку гнева подсудимого. Кнапп стал кричать, что отомстит каждому, едва выйдет на свободу, и не останется никого, обделённого его вниманием. Сцена получилась безобразной, Кнаппа тогда вывели из зала, но в стенограмму суда этот эпизод попал.

С той поры минуло более 6 лет, все в Мичиган-сити давным-давно позабыли об угрозах какого-то там Кнаппа, но в январе 1903 г. приключился пожар на ферме Вомака (Womack), бывшего окружного шерифа, раскрывшего нападение на Бесси Драпьер. А через два дня сгорела ферма Альберта Бордмана (Al Boardman), старшины присяжных на процессе Кнаппа. Поджоги были умышленными, следствие выяснило, что двери скотных сараев и конюшен подпирались снаружи досками. Пожары причинили большой материальный ущерб, фактически обанкротив обоих потерпевших.

После того, как в конце февраля 1903 года газеты сообщили об аресте Альфреда Кнаппа и его чудовищных признаниях, жители Мичиган-сити моментально связали недавние поджоги с угрозами, звучавшими из уст этого человека после оглашения вердикта присяжных.

Кнапп не признал свою причастность к поджогам в Мичиган-сити, но и надёжного alibi предоставить не смог. Полной ясности в том, действительно ли он поджёг домовладения шерифа и старшины присяжных, как не было тогда, так нет и сейчас. Альфред ранее сознавался в совершении тяжчайших преступлений, и ничто не мешало ему признаться ещё в двух поджогах, если только он действительно их устроил. Подобное признание, строго говоря, ничем ужасным ему уже не грозило. Однако он этого сделать не пожелал, и нам сейчас остаётся лишь строить догадки, что послужило тому причиной – его непричастность к случившемуся или же некие соображения, нам сейчас непонятные.

Газетная иллюстрация: Альфред Кнапп и его последняя жертва – Ханна Годдард-Кнапп.

13 марта 1903 г. Альфред Кнапп дал показания в суде по делу Джои Рота. Там он выступал в качестве свидетеля обвинения, рассказав о своём появлении в доме потерпевших под видом детектива. Тогда же он получил возможность увидеть того самого человека, с которым планировал встретиться минувшей осенью, дабы вместе совершать преступления.

Дальнейшая история Кнаппа довольно тривиальна, никаких особых зигзагов она в себе не таила, да и вряд ли какие-либо зигзаги были вообще возможны, учитывая добровольное признание Кнаппом своей вины. Хотя сам обвиняемый рассчитывал на пожизненное заключение и возможность регулярных встреч с любимой четвёртой женой, довольно быстро стало ясно, что ни о каком приговоре, предполагающем сохранение жизни обвиняемому, речи быть не может – прокуратура будет добиваться только смертной казни.

В этой обстановке единственным шансом на спасение жизни могло бы стать признание Кнаппа душевнобольным, но все назначенные медицинские освидетельствования (а таковых было 3!) констатировали его вменяемость и полную подсудность.

Перед началом судебного процесса в июне 1903 г. Томас Дерби (Thomas Darby), адвокат Кнаппа, предпринял попытку признания юридически ничтожными всех заявлений, сделанных

его подзащитным в период следствия. Из этого ничего не вышло [что следует признать ожидаемым], и признания Альфреда были успешно использованы для доказательства его вины.

16 июля 1903 г. Кнапп был приговорён к смертной казни.

Далее последовала обычная для американского Правосудия игра «отмени приговор – добейся нового суда». Честно говоря, останавливаться на этих зигзагах сюжета, по мнению автора, не очень интересно, поскольку такого рода детали важны в тех случаях, когда истинная картина случившегося неочевидна и возможны несколько противоречащих друг другу версий событий. В данном же случае общая криминальная канва ясна и особых сомнений не вызывает. Вся юридическая свистопляска в такого рода ситуациях представляется формальной и даже избыточной.

22 июля 1904 г., к тому моменту, когда все правовые способы отменить смертный приговор оказались исчерпаны, адвокат Томас Дерби подал прошение о помиловании. Губернатор штата Майрон Тимоти Херрик (Myron Timothy Herrick) своей властью мог сохранить Альфреду Кнаппу жизнь, но делать этого не стал.

Майрон Херрик, губернатор штата Огайо, отказал Кнаппу в помиловании, заявив, что тому лучше прогуляться до «горячего стула». Впрочем, возможно, что это всего лишь исторический анекдот.

19 августа 1904 г. спустя несколько минут после полуночи осуждённый встретил смерть на электрическом стуле. Согласно протоколу, подписанному присутствовавшими при казни должностными лицами, первый разряд тока был дан в 00:02, смерть была констатирована в 00:09. В последние дни своей жизни Кнапп отказывался отвечать на вопросы, связанные с его признаниями в убийствах, поэтому многочисленные детали содеянного этим преступником остались не до конца ясны.

Прежде всего, много вопросов связано со списком жертв Кнаппа. Ещё в 1903 г. появились предположения, согласно которым от рук этого человека погибло гораздо более 5 девушек и женщин. Не до конца выяснен список выживших жертв и хронология нападений. Кнапп сообщал об эпизодах, никому не известных и не нашедших подтверждения при проверке, но при этом отрицал причастность к реальным нападениям, хорошо соответствующим манере его криминального поведения. Трудно отделаться от ощущения, что этот чело-

век был вовсе не таким простачком, каким пытался казаться, и его чистосердечные признания были вовсе не чистосердечны. Он явно руководствовался неким расчётом, и хотя этот расчёт в конечном итоге не оправдался, сие не значит, что его не существовало.

Публикации в американской прессе, посвящённые казни Альфреда Кнаппа. В центре – заметка в немецкоязычной газете. Казнь убийцы была встречена без ажиотажа, но с одобрением и даже удовлетворением от произошедшего.

Другой круг вопросов связан как раз с неожиданным признанием Кнаппом собственной вины. Непонятно, как он планировал преодолеть те проблемы, которые сам же и создал. Неужели отправиться на много лет в тюрьму в статусе убийцы ему действительно показалось лучшим выходом, нежели отсидка в 1—2 года за двоежёнство? Или он вообще не планировал попадать в тюрьму, а надеялся на путешествие в сумасшедший дом? Что питало такую уверенность, если таковая и впрямь существовала?

Кнапп явился классическим представителем убийц -«дестройеров», прирождённых убийц, получающих удовольствие от самого акта умерщвления жертвы. Разоблачение этого преступника, как и Германна Маджета-Холмса⁶ несколькими годами ранее, стало своего рода сигналом американскому обществу, предвещавшим скорое явление новой и непонятной большинству разновидности изуверов – серийных убийц (или убийц с неочевидным мотивом).

Пройдёт совсем немного времени, и по Североамериканскому континенту – от Атлантического побережья до Тихоокеанского, а затем и по Среднему Западу – покатится волна из многих десятков убийств топором (этой истории посвящена моя обширная работа «Все грехи мира» в 4-х книгах). Едва закончится эта эпопея, как начнётся другая: убийства – опять-таки с использованием топора – в Новом Орлеане. А потом начнутся весёлые 1920-е годы, и на криминальной авансцене явятся новые герои, если, конечно, этих изуверов уместно называть подобным словом. Это будут не только киношные гангстеры, но и серийные убийцы, такие, как Эрл Леонард Нелсон [очерк о нём можно найти на авторском сайте «Загадочные преступления прошлого», а его развёрнутая версия опубликована в сборнике «Американские трагедии. Книга III»], семейка Норткотт с закопанными окрест их куриной фермы трупами детей и «Безумный Мясник из Кливленда», о котором мы знаем только то, что он существовал [причём действовать начал вовсе не в Кливленде].

В 1903 году начиналась новая эпоха. И начиналась она в том числе с Альфреда Кнаппа.

⁶ Краткий очерк об этом необычном серийном убийце можно найти на сайте автора «Загадочные преступления прошлого», а его развёрнутая версия представлена в сборнике «Американские трагедии. Книга II», изданном с помощью книгоиздательского сервиса «ридер» и ныне находящимся в продаже в интернет-магазинах книжной торговли.

Неизвестные похождения неизвестного серийного убийцы

Автор не может не предварить эту историю небольшим вступлением. Преступник, чьи похождения послужили основой сюжета настоящего очерка, в современной Америке позабыт, и притом позабыт незаслуженно. Почему именно – станет ясно по прочтении. Но в любом случае в современной американской литературе по истории уголовного сыска и криминалистики о нём нет упоминаний, и сами американские историки этого преступника не знают [автор связывался по этому вопросу с некоторыми американскими знатоками этих тем и они очевидно не в курсе]. Так что в каком-то смысле настоящая история является эксклюзивом не только для русскоязычной читательской аудитории, но и для всего остального мира тоже. Всё, что мне удалось собрать об этом человеке, я изложу ниже, но сразу скажу, что информация очевидно неполна. Многие детали сюжета автор объяснить пока не может в силу нехватки информации, но, думаю, что через несколько лет американские историки «накопают» об этом удивительном персонаже побольше фактического материала, и тогда история заиграет новыми выразительными красками.

Хотя и сейчас она вполне тянет на притчу в жанре «срывая башню вместе с башней».

Автор приносит извинения за долгое, но необходимое вступление и переходит собственно к повествованию.

Для Честера МакКолея (Chester McCauley) и Элмера Мэйхема (Elmer Mayhew) это была вполне заурядная поездка – вечером 27 декабря 1928 г., в четверг, они выехали из Балтимора, штат Мэриленд, с таким расчётом, чтобы рано утром следующего дня прибыть в Нью-Йорк. Им надлежало доставить цистерну с перцовым газом на завод, где этот газ предстояло использовать для снаряжения полицейских гранат и баллонов. Поскольку груз был опасным, такого рода поездки совершались в ночное время по дорогам с минимальным потоком автотранспорта. Пара водителей-«дальнобойщиков» занималась своим ремеслом более года и никогда не сталкивалась с проблемами, пожалуй, единственное неудобство подобных поездок заключалось в необходимости провести ночь за рулём.

Около 3 часов пополуночи [уже 28 декабря] автомашина с цистерной въехала в знакомый двор химического завода Гуггенхайма, припарковалась под навесом, и Честер с Элмером направились в помещение охраны для передачи документов на груз. Их встретил знакомый мужчина в форме, который пропустил шофёров внутрь здания, а сам пошёл следом в направлении помещения поста. МакКолей и Мэйхем сделали, быть может, десяток шагов, а может и того меньше – а далее произошло то, чего никто из них не ожидал. Мужчина в форме охранника неожиданно ударил по затылку Честера МакКолея рукоятью пистолета и тут же аналогичным ударом свалил с ног Элмера Мэйхема.

Пока оглушённые мужчины приходили в себя, с трудом соображая, что именно и почему произошло, охранник связал им руки за спиной их собственными ремнями и принялся обыскивать. Из бумажника МакКолея он вытащил 26\$ наличными, а вот у Мэйхема он денег не нашёл. Последний двумя часами ранее заправлялся и бросил кошелёк в кабине машины.

Сложно сказать, что произошло бы далее – с большой вероятностью ничего бы хорошего для связанных – но Мэйхем нашёл неожиданно удачный выход из трудного положения. Он расплакался и принялся уговаривать напавшего не убивать его, мотивируя это тем, что имеет маленького сынишку, а жена больна туберкулёзом и коли его убьют, то кто же побеспокоится о малыше?! Продолжая свой сентиментальный монолог, водитель предложил преступ-

нику снять с пальца обручальное кольцо и золотой крестик с шеи, дескать, ежели тебе нужны ценности, то забирай всё, только не убивай!

Элмер Мэйхем, сам того не ведая, задел очень чувствительную струну в душе преступника. Криминальные психологи давно уже заметили, что даже очень жестокие преступники иногда оказываются весьма чувствительны к сентиментальным рассказам о тяжёлой детской доле, несчастливом детстве и т. п. Лучший способ разжалобить такого преступника и уговорить его сохранить жизнь – это рассказать ему о ребёнке-инвалиде, которого ждёт нелегкая доля в случае смерти папочки или мамочки. Считается, что на подобные сентиментальные рассказы «ведутся» преступники с тяжёлым детством, но данный вывод не вполне верен – те преступники, чьё детство было вполне благополучным, также могут отреагировать на такой монолог в позитивном для жертвы ключе. Психологический механизм, срабатывающий в данном случае, кажется несколько более сложным, нежели тривиальное «узнавание себя в другом ребёнке», скорее, преступнику нравится то, что в нём признают «власть Бога», то есть лица, управляющего жизнью другого человека. Как бы там ни было, попытка вызвать жалость упоминанием о ребёнке представляется во всех отношениях более разумной и результативной, нежели, например, запугивание, проклятия или воззвания к совести.

Самое смешное заключается в том, что жена Элмера не болела туберкулёзом, и детей у них не было [хотя супруга и была беременна]. Но водитель нашёл нужную интонацию и разжалобил нападавшего – тот не стал убивать связанных мужчин, а лишь перетащил их в кладовку и там запер.

После чего исчез.

В течение следующих 40 минут появились работники завода, которым надо было покинуть территорию, и поскольку охранника невозможно было отыскать, поднялась тревога. Связанных водителей отыскали в кладовке, а пропавшего охранника Генри Гау (Henry S. Gaw) – за высокой стойкой, за которой в дневное время размещались охранники, проверявшие пропуск входящих в здание.

Гау оказался мёртв.

Явные следы ранений или телесные повреждения визуальным осмотром не определялись, однако на губах умершего были заметны трещинки и странные ранки, привлёкшие внимание судмедэксперта. Раздвинув губы, а затем открыв рот Гау, врач обнаружил необычные повреждения слизистых оболочек рта, губ и горла. Увиденное выглядело как химический ожог... При этом во рту имелись и отчётливые царапины – количеством примерно 6—7 – длиной до 1,5 дюймов (~4 см), о природе которых судмедэксперт ничего определённого сказать не мог. Точнее, он исключил возможность того, что царапины оставлены ногтём – а вот чем именно, врач сказать не мог.

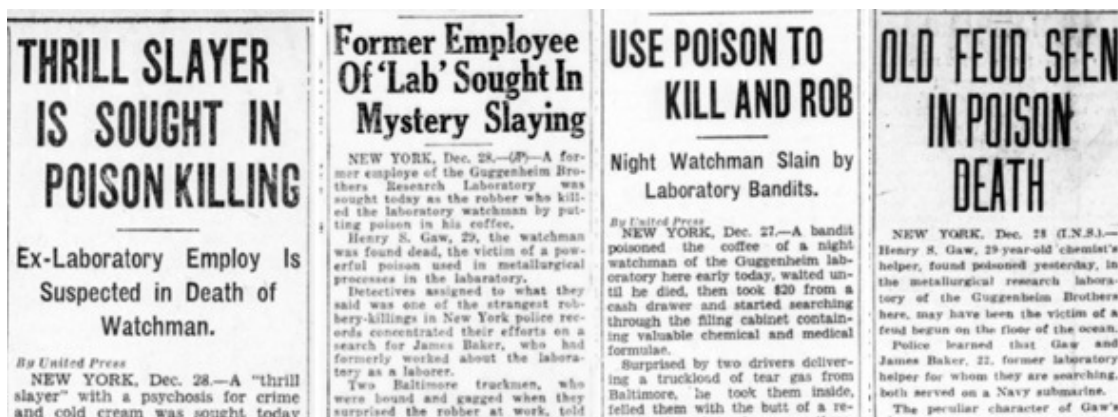
Рядом с телом Гау лежал его пустой кошелёк. Детективы в течение нескольких последующих часов установили, что вечером 27 декабря, перед уходом на работу, Генри имел при себе 20\$ – теперь же эти деньги пропали. Полицейские установили, что перед работой мужчина никуда не заходил и деньги эти потратить не мог – стало быть, ими завладел преступник.

Учитывая, что нападавший ограбил МакКолея и, по-видимому, Гау, корыстный мотив представлялся весьма вероятным. Однако полицейские быстро выяснили, что неподалёку от помещения охраны, буквально в 30 метрах, находилась лаборатория, в которой имелась химическая посуда из платины стоимостью более 1 тыс. \$. Ключ в лабораторию хранился на посту охраны, платиновая посуда, хотя формально и помещалась в металлическом шкафу, но ключ от последнего находился... в столе рядом. То есть заполучить ценности не составляло большую проблему, однако преступник почему-то этой возможностью пренебрёг.

Возможно, он не знал о самой этой возможности, но учитывая необычность места преступления [пост охраны химического предприятия], а также весьма своеобразный характер посягательства [нанесение побоев двум лицам и умерщвление третьего неочевидным спосо-

бом], никакого окончательного вывода о том, что именно и почему произошло на предприятии Дэниела Гуггенхайма, сделать не представлялось возможным.

Продолжая осмотр помещения охраны, детективы обратили внимание на 2 чашки с кофе – одна была недопита, а из второй, похоже, не пили вообще. Обе чашки передали службе коронера с просьбой максимально быстро провести проверку на наличие ядов. После серии скрупулёзных судебно-химических экспертиз стало ясно, что в обеих чашках в кофе действительно был растворён яд. Да притом какой – цианистый калий! И его обнаружение лишь загадало новые загадки в этом весьма необычном деле.

В конце декабря 1928 г. местные газеты сообщили о странном преступлении на химической фабрике Дэниела Гуггенхайма. Использование яда для убийства и ограбления представлялось весьма экстравагантным, особенно учитывая то, что преступник – когда ему это понадобилось – без проблем в одиночку подавил сопротивление двух крепких мужчин. То есть это явно был человек не робкого десятка и уверенный в своих силах. Но зачем такому бойцу пользоваться цианистым калием?

Необходимо пояснить, что цианистый калий для того времени являлся ядом очень необычным. Во-первых, он был редок, его использовали в небольших количествах в химии и металлургии, а потому обыватель о нём попросту не знал. Во-вторых, воздействие циановых соединений на организм человека не было тогда толком изучено. Врачи, конечно же, понимали, что циановые соединения крайне опасны, но для скрытого умерщвления человека такой яд представлялся отнюдь не оптимальным. Тот, кто читал мой очерк «1909 год. Персональная бактериологическая война доктора Хайда», опубликованный в сборнике «Грех Каина»⁷, наверняка обратил внимание на то, что в первой половине XX столетия циановые соединения считались во всём схожими с таким ядом, как стрихнин, что с точки зрения современных представлений кажется очень странным [циановые соединения относятся к группе минеральных ядов, а стрихнин – алкалоид, то есть яд растительного происхождения]. Тем не менее, по общей симптоматике отравления учёные того времени объединяли их в группу т.н. «судорожных ядов».

Причём даже в 1950-х гг. в учебниках судебной медицины о циановых ядах упоминалось либо мимоходом, либо не упоминалось вообще. При этом действие стрихнина описывалось очень подробно, что легко объяснимо – стрихнин использовался в медицинских целях и был сравнительно легкодоступен [в отличие от цианидов]. Даже практикующие судебные медики с большим опытом работы в первой половине XX столетия имели довольно смутное представ-

⁷ Имеется в виду сборник криминальных очерков А. Ракина «Грех Каина. Острые семейные конфликты на примерах подлинных уголовных расследований», изданный в феврале 2023 года с использованием книгоиздательского сервиса «ридеро». Сейчас книга доступна во многих книжных магазинах электронной торговли.

ление о том, когда и в каких частях трупа искать следы циановых ядов. Именно неполнота судебно-медицинских знаний того времени и привела к той весьма необычной коллизии, что описана в очерке «1909 год. Персональная бактериологическая война доктора Хайда».

Вообще же, цианистые соединения [цианистый водород, цианистый калий, цианистый натрий] получили известность в широких народных массах в качестве ядов только после Второй Мировой войны, когда эти самые «ширнармассы» узнали о том, что немцы снаряжали циановыми соединениями ампулы, предназначенные для использования в целях самоубийства. Таких ампул [разных размеров и конструкции] было изготовлено более 2 тыс. штук, они были распространены среди высокопоставленных представителей военного и политического руководства. Некоторые случаи самоубийств с использованием таких ампул оказались хорошо задокументированы, поскольку осуществлялись фактически на глазах свидетелей – так, например, покончили с собою Геринг и Гиммлер. Союзники были впечатлены необыкновенной эффективностью яда в ампулах, поскольку даже неотложные реанимационные мероприятия оказывались неспособны продлить жизнь самоубийцы хоть на немного. При штатном применении ампулы с ядом смерть наступала в течение 20—40 секунд, причём человек терял сознание в первые же мгновения после раскусывания ампулы.

Всё это вызвало огромный интерес специалистов к немецким ампулам с ядом, и союзники предприняли серьёзные усилия по изучению и восстановлению использованных немцами технологий. Как известно, в послевоенное время именно с использованием яда на основе цианового соединения КГБ успешно ликвидировал украинских националистов Ребета и Бандеру. Для их умерщвления применялся одноразовый газовый пистолет, от которого практически не существовало защиты – яд попадал в кровь даже в том случае, если рот жертвы оставался закрыт [через слизистые оболочки губ, носа и глаз].

Судебно-медицинские аспекты выявления циановых ядов в трупе были изучены намного позже – лишь к середине 1970-х. Разговоры о запахе миндаля, демаскирующем использование синильной кислоты [цианистого водорода], не вполне корректны – очень часто этот запах не определяется. Серьёзной проблемой является активность циановых соединений, которые довольно быстро распадаются в тканях трупа. Даже при современном уровне развития судебно-химических технологий обнаружение отравления цианидами представляет собой серьёзную проблему [особенно по прошествии недели и более с момента отравления].

Formen und Grössen der Giftampullen		
Name	Erklärungen	Skizzen d. Zeugen
J. Kiermeier 1)	1. K. weiss nicht mehr, ob Form a) oder b) vorlag. 2. Giftampulle aus Glas befand sich in Messingkapsel mit Schraubverschluss und Filzeinlage. 3. Glaswand relativ dünn.	M. 1:2
K. Heusermann 2)	1. Giftampulle aus hellblauem Glas in verschraubbarer Metallhülse. 2. Der flüssige Inhalt der Ampulle war farblos, färbte sich später (1953) etwas gelblich.	
O. Günsche 3)	1. Glasampulle mit Flüssigkeit (a), zugeschmolzen. 2. Verschraubbarer Kunststoffbehälter (b)	
H. Beermann 4)	Giftampulle aus Glas, 3cm lang; ohne Kapsel.	ohne Zeichnung
H. Mengershausen 5)	1a. Glasampulle befindet sich in blanker Hülse. 1b. Gummikapsel (wie eine „Mummel“), braune Färbung. 2. Glasampulle sollte zer-bissen werden. Inhalt der Ampulle auch zur Injektion geeignet.	
Joh. Hentschel 6)	1. Zugeschmolzene Kapsel aus violetterm Kunststoff (Form von Dragees). 2. Inhalt: 1ccm Blausäure. 3. Kapseln waren vorrätig in Schachtel.	
Anderweitig be- kannt gewordene Giftampullen. 7)	a) Abgeschnittene Patronen- hülse mit künstlich ge- schaffernem, aufschraub- barem Verschlussdeckel. b) Dünnwandige Glasam- pulle mit farbloser Flüssig- keit (Blausäure)	

Страница из описания различных типов ампул с цианистым водородом, использовавшихся фашистами. В конце Второй Мировой войны по заданию руководства Третьего рейха было разработано несколько типов ампул с синильной кислотой [цианистым водородом]. Ампулы эти в зависимости от конструкции предназначались для скрытого крепления в деталях одежды [в воротнике или рукаве], ношения в специальном футляре или же размещения во рту. Гиммлер именно во рту скрыл свою ампулу, которая осталась незамеченной конвоем при двух первых обысках.

В силу всего, изложенного выше, использование цианистого калия для отравления Генри Гау в декабре 1928 г. представлялось чем-то крайне нетипичным. Расследование, обещавшее неожиданные сюрпризы, возглавил Малруни (Mulrooney), инспектор отряда детективов Департамента полиции Нью-Йорка, направивший на осмотр фабрики и поиск свидетелей группу из 50 полицейских в форме и в штатском.

Разумеется, водителям-«дальнобойщикам» были заданы вопросы о приметах преступника, напавшего на них. По рассказам Честера МакКолея и Элмера Мэйхема, человек, вступивший их внутрь здания, показался знакомым – они либо видели его ранее, либо он сильно напоминал кого-то, кого они видели. Водители описали его как молодого, коренастого, русоволосого парня ростом под 180 см – эдакий эталонный белый американец. На преступнике была надета форменная куртка, которая, по-видимому, принадлежала умершему к тому времени Гау, преступник просто снял её с вешалки, когда пошёл открывать дверь. В ней же, кстати, он и скрылся с места преступления. Впоследствии куртка была найдена в куче мусора на удалении около 200 метров от химзавода. То обстоятельство, что неизвестный убийца хорошо ориентировался на месте преступления и не запаниковал при появлении «дальнобойщиков», наводило на мысль о хорошем знакомстве убийцы с объектом и его криминальной опытности.

Опрос работников производства довольно быстро вывел на некоего Джеймса Бейкера (James Baker), прекрасно отвечавшего описанию, полученному от МакКолея и Мэйхема. Бейкер работал ранее охранником на химическом заводе, ставшем местом преступления, но уволился в середине ноября 1928 г. А через 3 недели охранником устроился Генри Гау, работавший прежде охранником в компании Эдисона, производившей электротехническое оборудование. Продолжая тянуть эту ниточку далее, детективы выяснили, что на той же самой фабрике работал охранником и Бейкер. И оказалось, что молодые мужчины [Бейкеру было 22 года, а Гау – 29 лет] были хорошо знакомы и прекрасно ладили, поскольку прежде оба служили в военно-морском флоте.

Коллеги Гау и Бейкера в «Компании Эдисона» припомнили, что Гау упоминал, будто являлся старшиной дивизиона живучести подводной лодки. Бейкер о подобном не упоминал, но совпадений было слишком много для того, чтобы списывать их на обычную случайность. Поэтому первая версия следствия сводилась примерно к такой схеме: Гау сам впустил в служебное помещение убийцу, с которым был дружен, преступник его отравил, рассчитывая завладеть дорогостоящим оснащением химлаборатории, но появление «дальнобойщиков» спутало ему карты, и он предпочёл бежать, связав непрошенных гостей. Причём убийцей, как несложно понять, являлся Джеймс Бейкер.

Очевидно, этого человека следовало как можно быстрее отыскать. Удача вроде бы сопутствовала подчинённым Малруни – уже во второй половине дня 28 декабря они нашли место проживания Бейкера и побеседовали с домовладелицей. Выяснилось, что подозреваемый 3 дня не показывался дома. Поскольку личные вещи Бейкера оставались в его комнате, там была устроена засада. Как несложно догадаться, никакого толку от неё не было, поскольку уже 28 декабря местные газеты написали как об убийстве Гау, так и о розыске Бейкера.

От соседей детективы узнали адреса магазинов, в которых подозреваемый делал покупки, и баров, где тот имел привычку выпивать в конце дня. Довольно быстро полицейские составили представление о круге и специфике общения молодого мужчины – стало ясно, что тот в последние дни он находился в состоянии острого психоза. По словам людей, видевших Бейкера в последнюю декаду декабря, тот был странно возбуждён, говорил о том, что намерен кому-то отомстить, что из него получится настоящий гангстер, и вообще он – крутой парень, который отыщет управу на всех недоброжелателей. Речь его была путаной, он, похоже, не совсем хорошо ориентировался в окружавшей его действительности и в целом своей речью и поведением производил пугающее впечатление.

Вечером 28 декабря один из начальников полиции Нью-Йорка Гровер Уэлен (Grover A. Whalen) сообщил журналистам, что правоохранительные органы разыскивают Бейкера в рамках расследования смерти Гау, и если первый желает очиститься от подозрений в свой адрес, ему надлежит как можно скорее связаться с полицией.

Как несложно догадаться, никто с полицией не связался, и Бейкер о себе никак не заявил.

Продолжая сбор информации о жизни убитого и его предполагаемого убийцы, детективы полиции Нью-Йорка выяснили детали, способные до некоторой степени прояснить характер отношений этих людей. Клара Гау, мать убитого Генри, проживавшая в Денвере и прибывшая в Нью-Йорк для того, чтобы забрать тело для погребения, передала полицейским несколько фотографий сына. Среди них была и фотография, изображавшая Генри Гау во время службы в подводном флоте. На той же самой фотографии оказался запечатлён и... тут проницательные читатели сразу угадают правильный ответ – и предполагаемый убийца!

Джеймс Бейкер и Генри Гау служили в одном экипаже и оказались знакомы задолго до декабря 1928 года! Полицейские отыскивали сослуживцев обоих моряков, и оказалось, что их отношения были несколько специфичны. Дело заключалось в том, что Гау, будучи старше Бейкера по возрасту и в чине, взял над ним своеобразное «шефство». Кое-кто из моряков подозревал, что отношения эти имеют противоестественную природу, но прямых обвинений никто

никогда в адрес Гау и Бейкера не выдвигал. Со стороны их можно было бы принять за друзей, но как казалось некоторым сослуживцам, природа этой дружбы основывалась на девиантном влечении.

Клара Гау, мать Генри, была потрясена необычными обстоятельствами убийства сына. Благодаря ей правоохранные органы сделали очень важные открытия о скрытой подоплёке событий на фабрике Гуггенхаймов, хотя открытия эти вряд ли порадовали женщину.

Итак, былая дружба между убитым и убийцей служила основанием для предположения о мотиве преступления, не рассматривавшимся прежде. То, что после увольнения в запас Гау и Бейкер продолжали встречаться и даже работали в одних и тех же компаниях, свидетельствовало, как минимум, о сохранении вполне доброжелательных контактов между ними.

Вывод этот казался логичным и, как показал ход дальнейших событий, близким к истине. Вот только в реалиях 1929 г. он мало чем помог расследованию. Бейкера следовало обязательно отыскать, однако именно с этим и возникли проблемы. Молодой человек исчез в неизвестном направлении, и никто не мог подсказать, где именно он может находиться.

Как известно, для того, чтобы узнать будущее, полезно заглянуть в прошлое, и нью-йоркские детективы попытались, насколько это возможно, выяснить происхождение подозреваемого. Лица, знавшие Бейкера более или менее близко, сообщали, что, по его словам, тот родился и вырос в Техасе, но довольно рано сбежал из дома и связей с родственниками не поддерживал. Кто-то из свидетелей сообщал, что Джеймс ушёл из дома в 16 лет... кто-то припоминал, что тот говорил о возрасте 14 лет... где именно он жил в Техасе, не знал никто. Попытки отыскать семью предполагаемого убийцы оказались безрезультатны.

Чем занимался Бейкер после ухода из дома, выяснить тоже толком не удалось. Сослуживцы по военно-морскому флоту сообщали, что Джеймс производил впечатление бывалого парня, который объездил весь свет. Он рассказывал о портах в самых экзотических местах мира – в Индии, на Филиппинах, в Европе, на побережье Африки – при этом сообщал массу информации и деталей, о которых нельзя было узнать из книг или газет, вроде рецептов местной кухни, расценок на услуги припортовых проституток, качестве выпивки в барах и пр. Когда его спрашивали, откуда всё это он знает, Бейкер отвечал, что плавал по миру и бывал в этих портах лично. Для многих его сослуживцев, попавших в военный флот из районов в глубине Американского континента и увидевших океан совсем недавно, подобная осведомлённость казалась удивительной и недостоверной. Всё-таки Бейкер был очень молод, неужели он действительно сумел за несколько лет оплыть весь мир?

В конце концов, стало ясно, что правоохранительные органы не могут по-настоящему точно установить прошлое подозреваемого до его призыва на действительную военную службу. Если Бейкер и впрямь был моряком до того, как попал в военно-морской флот, то с большой вероятностью он сменил свою настоящую фамилию [и даже не один раз]. В условиях отсутствия в США чётко выстроенной паспортной системы сделать это можно было самыми разными способами и притом почти законно.

Это открытие, конечно же, оказалось для «законников» очень неприятным. Успешно начатое расследование неожиданно забуксовало и потеряло вектор. Непонятно было, где надлежит искать исчезнувшего Джеймса Бейкера, ведь коли тот действительно имел опыт работы в торговом флоте ещё до призыва на воинскую службу, то ему не составило бы большого труда устроиться на какое-нибудь грузопассажирское судно и отправиться за океан. В таком случае он мог находиться где угодно, и могли пройти годы, прежде чем он решил бы вернуться в США. А может и вообще решил бы не возвращаться!

Но даже если Джеймс Бейкер и не уплывал на другой континент, то от этого поиск его делался ненамного проще. Бейкер, легко скрывшийся от полицейского преследования, мог находиться где угодно.

Три недели полиция Нью-Йорка работала с местной агентурой, рассчитывая получить какой-либо выход на Джеймса Бейкера. Но к концу января 1929 г. пришло понимание того, что работа эта бессмысленна и подозреваемого таким образом отыскать не удастся. По крайней мере, сейчас.

Установочные данные на Бейкера были разосланы по более чем 2,5 тысячам подразделений правоохранительных органов, государственных и транспортных служб по всей стране [полицейским департаментам, службам шерифов, таможенным отделениям, пограничной охране, подразделениям охраны портов, службам безопасности железных дорог и пр.].

Если бы история на этом закончилась, то настоящая заметка никогда бы не была написана. Однако произошло то, что в реалиях того времени можно назвать чудом – Джеймс Бейкер был найден. И найден там, где никто его особо и не искал.

В феврале 1930 г. полиция штата Мичиган разгромила полуподпольное питейное заведение в городке Фармингтон (Farmington), пригороде Детройта. Пивнушка маскировалась под букмекерскую контору [в стране действовал «сухой закон», и питейные заведения часто прикрывались вывесками разного рода ресторанов, бильярдных, букмекерских контор и т.п.]. Это заведение, помимо торговли контрабандным спиртным, было известно и тем, что там собирались, как принято выражаться сегодня, лица нетрадиционной сексуальной ориентации. Разумеется, заведение работало с ведома местной полиции, коррумпированной насквозь, но участие в операции полиции штата не позволило спустить дело на тормозах. А потому работники полуподпольной «лавочки» были задержаны и надлежащим образом допрошены.

Детективы тогда слышали немало необыкновенных рассказов, но один из них привлёк особенное к себе внимание. Работники заведения сообщили о некоем весьма молодом мужчине, появлявшемся в ночное время. Он много пил, был общителен, имел массу друзей, причём малознакомым людям представлялся разными именами. Он носил при себе пистолет, имел татуировки, вёл себя как бывалый уголовник, но его неумеренная болтливость разрушала образ брутального немногословного гангстера. Приметы его отлично соответствовали внешности Джеймса Бейкера, хотя с опознанием по фотографии работники пивнушки затруднились.

Где жил подозрительный мужчина, никто не знал. Но автомобилем он не пользовался и приходил пешком, а стало быть, искать его надлежало либо в Фармингтоне, либо где-то на близлежащих фермах.

В принципе, эта зацепка могла никуда не привести, но следует отдать должное детективу полиции Детройта Эрлу Швейцеру (Earl Sweitzer), проявившему должное упорство в проверке подозрительной информации. Он принялся методично объезжать окрестности и опрашивать

фермеров и в конечном итоге выяснил, что на одной из ферм действительно живёт человек, как будто бы скрывающийся от окружающих. Он выходил из дома только в тёмное время суток, некоторые из местных жителей видели его голосовавшим у дороги и обычно подвозили его. При этом разговор с владельцем автомашины мужчина поддерживал неохотно и никакой информации о себе не сообщал. В общем, человек казался каким-то подозрительным и был похож на скрывающегося уголовника.

В конце концов, район поиска сконцентрировался у фермы некоей Терезы Паркс (Teresa Parks), проживавшей на полпути из Фармингтона в Уоррен (Warren), другой город-спутник Детройта. Тут, конечно же, нельзя не удивляться тому, как работал уголовный сыск в те дремучие годы – без видеокамер наблюдения на каждом углу, сотовых телефонов, развитой системы различных учётов с дистанционным доступом и пр. И ведь поразительную результативность демонстрировал! В основном, разумеется, результативность эта базировалась на умении работать со свидетелями, способности расположить к себе неизвестного человека и побудить его оказать помощь. И люди тогда отзывались, не зря же именно в те года родилась поговорка «пустая улица полна глаз».

Когда Эрл Швейцер в сопровождении группы полицейских в форме вечером 19 февраля 1930 г. заявился на ферму Терезы Паркс, то едва не задержал по ошибке человека, не имевшего отношения к его розыску. Дело заключалось в том, что на ферме проживал батрак, которого Швейцер поначалу принял за разыскиваемого мужчину. Лишь после того, как в результате продолжительного обыска в подвале под домом был найден прятавшийся там второй молодой человек, стало ясно «who is who».

Скрывавшийся в подвале мужчина заявил, что является приёмным сыном владелицы фермы, назвался Джеймсом Бейкером и заверил «законников» в том, что не совершал ничего преступного. Следует понимать, что Эрл Швейцер ничего не знал о подозрениях в убийстве, связанных с Бейкером [расстояние до Нью-Йорка, где был убит Гау, превышало 800 км!], детектив в то время просто проверял информацию о подозрительном человеке. Бейкер оказался покрыт многочисленными татуировками, что отвечало описаниям, полученным в подпольном питейном заведении, а кроме того, в его вещах был найден пистолет 38-го калибра. На костяных накладках на рукояти пистолета надфилем были прорезаны 8 глубоких зарубок. Зарубки эти сразу же привлекли внимание Швейцера, детектив попросил Джеймса объяснить, что они означают? Бейкер услужливо ответил, что пистолет он приобрёл с рук и ничего о происхождении следов на рукояти не знает.

В общем, детектив задержал Бейкера и вместе с ним отправился в Детройт. И уже по прибытии туда, полистав альбом с описанием разыскиваемых преступников, Эрл Швейцер понял, что поймал «крупную рыбу».

Джеймс Бейкер оказался обаятелен и разговорчив. В целом он производил положительное впечатление, но ровно до тех пор, пока болтовня его не начинала утомлять.

Рапорт о задержании попал к помощнику окружного прокурора Джону Уоттсу (John D. Watts), которому предстояло разговорить Бейкера и постараться получить от него согласие на экстрадицию в Нью-Йорк. Если бы задержанный такое согласие не дал, то процедура выдачи потребовала бы проведения отдельного суда по этому вопросу с весьма неочевидным исходом.

Неизвестно, как и о чём Уоттс разговаривал с задержанным, но услышанное, должно быть, немало поразило помощника прокурора. Бейкер не только признался в совершении убийства Генри Гау и рассказал важные детали случившегося на фабрике Гуггенхайма, но и вывалил в уши Уоттса массу других в высшей степени поразительных откровений. Так, он заявил, что в 1927 году посредством отравления убил 3-х человек на танкере «Галфпорт» («Gulfport»), а кроме того, с использованием яда убивал людей в разных городах мира – в Хьюстоне, штат Техас, в городе Уоррен, штат Огайо [не путать с Уорреном в Мичигане, неподалёку от которого находилась ферма, где скрывался Бейкер], в порту Гамбурга, в Германии и, наконец, в Бомбее, в Индии.

Не совсем понятно, что побудило Бейкера сделать сенсационные признания. Никаких мер принудительного характера к нему не применялось – делать что-то подобное было попросту незачем, поскольку никакой ясности относительно причастности к убийству Гау у детройтских «законников» не существовало. Уоттс просто по-доброму и очень корректно поговорил с задержанным. Помощник прокурора, судя по всему, был неплохим психологом и умел подбирать индивидуальные ключики к собеседникам. Спустя несколько лет Уоттс оставил прокурорскую стезю и подался на судебное поприще, сначала он несколько лет занимал место судьи по гражданским делам, а в 1937 г. избрался на должность судьи по делам уголовным.

Широкую известность Джон Уоттс получил в январе 1934 г., проведя 25 числа впервые в мире процедуру бракосочетания дистанционно – по телефону. Жених – Бертиль Клейсон (Bertil Hjalmar Clason) – находился в Детройте, а невеста – Сигрид Карлсон (Sigrid Sofia Margareta Carlzon) – в Стокгольме. Возможность удалённой регистрации брака подавалась тогда как невероятный технологический прорыв, дескать, скоро мы все станем жить в таком комфорте, что всё будем делать, не выходя из дома. Правда, оставался безответным вопрос, как можно будет вести половую жизнь удалённо, но американский прогресс вскоре додумался

и до секса по телефону. Заметьте, подобного рода активность мыслительного процесса имела место безо всякой пандемии! Кстати, упомянутая история бракосочетания по телефону вполне годится в качестве загадки на конкурсе знатоков «Что? Где? Почём?» [можно, кстати, задать не только тривиальный вопрос о месте и времени проведения этой процедуры, но и сформулировать его иначе, например, спросить, как идентифицировались личности брачующихся при отсутствии видеоизображения? Сразу сообщаю правильный ответ – рядом с женихом находились две родные сестры невесты, которые в присутствии судьи опознали её по голосу и под присягой подтвердили, что именно Сигрид Карлсон вступает в брак].

Слева: Джон Уоттс стал известен как первый американский судья, зарегистрировавший брак дистанционно – по телефону. Этому необычному нововведению американская пресса в январе 1934 г. уделила немалое внимание. На фотографии можно видеть, что рядом с женихом, который поднёс к губам микрофон, стоят две сестры невесты, они под присягой подтвердили, что на другом конце провода находится именно Сигрид. Справа: передовой судья сфотографирован в том же году вместе с молодой женой и 4-летним сыном.

Вернёмся, впрочем, в февраль 1930 года.

Джон Уоттс, услышав от Джеймса Бейкера поразительные признания, обоснованно засомневался в услышанном. Помощник прокурора позвонил в Нью-Йорк и сообщил о том, что подозреваемый в убийстве Гау сейчас находится под стражей и даёт признательные показания, а потому хорошо бы уточнить у него какие-то детали, желательны никому не известные, либо оставшиеся непонятными следствию. И поинтересовался, о чём следует спросить Бейкера? Разговаривавший с Уоттсом инспектор Малруни быстро вспомнил убийство Генри Гау и рекомендовал задать вопрос о странных ранах во рту жертвы, дескать, пусть задержанный объяснит, как они появились! Заодно станет ясно, действительно ли он причастен с произошедшему на фабрике Гуггенхайма.

Помощник прокурора вернулся в помещение для допросов и задал вопрос о происхождении царапин во рту Генри Гау. Бейкер засмеялся и ответил, что цианистый калий, подмешанный в кофе Гау, подействовал совсем не так, как рассчитывал отравитель, по-видимому, из-за своей активности он частично разложился. Генри стало плохо, но сознания он не потерял и заподозрил неладное. Бейкер, понимая, что маски сброшены и ломать комедию больше незачем, достал из кармана пакетик с ядом, раскрыл его и опустил в порошок кончик ствола пистолета. Приказав Гау открыть рот, он вставил ему ствол пистолета и приказал облизать... Такая вот аллюзия на оральный половой акт. Гау отказался лизать ствол пистолета, тогда Бейкер несколько раз грубо повернул его во рту, очевидно, поранив высокой мушкой нёбо, во вся-

ком случае, Гау закричал и стал отдёргивать голову. Впрочем, яд, находившийся на кончике пистолетного ствола, быстро подействовал, и Генри скончался в течение минуты-двух.

Продолжая свои в высшей степени неожиданные откровения, Бейкер рассказал об отравлении экипажа танкера «Голфпорт» в октябре 1927 года. По его словам, у него не сложились отношения с некоторыми членами команды. Не совсем понятно, чем оказался обусловлен конфликт, сам Бейкер затруднился [или просто не пожелал] объяснить крайний антагонизм некоторых членов команды, но они, если верить рассказу арестанта, принялась всячески его третировать и изводить. Джеймсу это не понравилось, он к тому времени уже неоднократно совершал убийства и потому решил проблему привычным и самым радикальным способом – растворил в цистерне с питьевой водой пакетик имевшегося у него цианистого калия. Умереть должен был весь экипаж.

Танкер совершал небольшие по длительности переходы из США в Венесуэлу и обратно, так что Бейкеру следовало продержаться лишь несколько суток. Он не пил корабельную воду, употребляя только ту, которой заблаговременно запасся. Весь экипаж заболел, но умерли лишь 3 человека. Никто ничего не заподозрил. Бейкер заявил, что очень расстроился из-за того, что потратил много яда, а убил так мало людей! Если бы он травил каждого в отдельности, то в живых не остался бы никто, а тут... ошибочка вышла.

Продолжая рассказывать о своих похождениях, Бейкер объяснил, как пришёл к мысли убивать посредством отравления. В 1924 г. Джеймс купил пакет с цианистым калием у золото-добытчиков в Венесуэле и несколько месяцев бесцельно носил его с собой. В Хьюстоне, в штате Техас, в баре, где встречались разного рода маргиналы, алкоголики и ранее судимые лица, к нему пристал какой-то неприятный мужчина, с которым Бейкер общаться не хотел. Чтобы отделаться от незнакомца, Джеймс, улучив момент, высыпал в его кофе изрядную порцию яда. Человек отхлебнул кофе и... умер почти моментально.

Бейкер остался под сильным впечатлением от того, как быстро яд «выключил» совершенно здорового человека. Также ему очень понравилось то, что никто из присутствующих в баре ничего не заподозрил. Отравитель в числе первых бросился на помощь жертве, затем звонил по телефону, вызывая врача. Тогда же он услышал фамилию убитого – Хоникат (Honeycut). Ощущение власти над чужой жизнью опьянило Бейкера, он признался, что пережил тогда настоящий восторг, и впредь всегда действовал в подобной манере – травил человека в людном месте и наблюдал как за его смертью, так и за паникой окружающих.

Уже 21 февраля в местных газетах появились первые сообщения о задержании необычного преступника, которого журналисты называли тогда «массовым убийцей» [сейчас это словосочетание используется с другой коннотацией, «массовыми убийцами» называют преступников, совершающих убийства 4-х и более человек в одном месте без перерыва на эмоциональное охлаждение, то есть за одни приём. Если такое преступление совершается в разных местах, то есть преступник перемещается с места на место, то для его обозначения используется термин «цепное убийство»]. Продолжая свои откровения, Джеймс Бейкер сообщил об убийстве посредством отравления неизвестного мужчины в припортовом баре на острове Панай (Филиппинский архипелаг), а также о том, что расправился с отчимом в 1919 г. Отчима он убил выстрелом из ружья, отомстив тем самым за неоднократные побои, изощренное третирование и бесчисленные унижения на протяжении по меньшей мере 4-х лет. По словам Бейкера, именно после этого убийства он пустился в бега, скрылся из Техаса и устроился на корабль юнгой.

Тереза Паркс, узнав о том, какие показания даёт приёмный сын, заявила помощнику прокурора Уоттсу о том, что Джеймс – человек глубоко ненормальный и верить его рассказам нельзя. Дескать, у него мания преследования, он ведёт себя очень странно и часто высказывает какие-то совершенно вздорные и недостоверные суждения. Уоттс, однако, был склонен поверить задержанному – уж больно тот был убедителен в своих повествованиях.

Что было интересно и в какой-то степени неожиданно – так это то, что Бейкер легко согласился на экстрадицию в Нью-Йорк.

Уже 23 февраля в Детройт из Нью-Йорка прибыли детективы Джордж Фицпатрик (George Fitzpatrick) и Артур Хор (Arthur M. Hore), которым предстояло перевезти Бейкера по железной дороге в город Ньюарк (Newark) и далее в Нью-Йорк. То, что последовало в дороге, спровоцировало неожиданный для всех скандал: после того, как поезд тронулся, детективы провели обыск задержанного и обнаружили сначала охотничий нож, а затем – пистолеты 38-го и 45-го калибра! На прямой вопрос: «Зачем ему оружие?» – Бейкер кривляться не стал и ответил также прямо: «Чтобы убить вас!» Нью-йоркские детективы при первой же возможности позвонили в Детройт и гневно обвинили тамошних полицейских в коррумпированности, прямо указав на то, что именно полицейские снабдили задержанного оружием. Возмущение Фицпатрика и Хора можно понять – это поездка могла стоить им жизни! Однако сотрудники детройтской полиции категорически отвергли все подозрения в свой адрес, поклявшись в том, что Бейкер перед передачей в руки нью-йоркских детективов был обыскан 3 раза различными лицами и оружия при себе не имел.

Сам Бейкер сказал только, что оружие получил в Детройте ещё до посадки в поезд и рассчитывал сойти в Питтсбурге. Никакой ясности в том, кто и как именно сумел передать ему оружие, так и не появилось, но нельзя не признать того, что вся эта операция была проведена на удивление ловко. Прояви детективы небрежность, и Бейкер с большой вероятностью сумел бы реализовать задуманное!

Журналисты, встречавшие детективов и подконвойного в Ньюарке, обратили внимание на то, что тот был сдержан и сосредоточен, один из журналистов в своём репортаже даже написал, что Бейкер «выглядит стоиком» («Baker seemed stoical»). Теперь у болтливого и оптимистичного преступника появился серьёзный повод задуматься о своей судьбинушке – побег не удался, и ему корячился суд по серьёзной статье!

В течение считанных дней Джеймс Бейкер стал широко известен – его утверждение о готовности убить двух детективов полиции привлекло к нему немалое внимание газетчиков. А когда выяснилось, что Джеймс легко и непринуждённо сознался в большом количестве отравлений, то тут уже интерес к его персоне стал всеобщим. Заголовки февральских 1930 г. газет, посвящённые ему, были весьма красноречивы: «Современный Борджиа сознаётся в отравлении 8 человек исключительно для душевного удовлетворения», «Молодой мужчина сознаётся в отравлениях 8 человек» и пр.

По прибытии в Нью-Йорк Бейкеру, заявившему в суде о своей неспособности нанять адвокатов, были назначены бесплатные адвокаты Чарльз Сильвестер (Charles L. Sylvester) и его

помощник Джеймс Мюррей (James D. C. Murray). Расследование в Нью-Йорке вёл окружной прокурор Томас Ч. Т. Крейн (Thomas C. T. Crain).

На первом этапе он столкнулся с тем, что доказать причастность Бейкера к отравлению Генри Гау оказалось довольно сложно ввиду того, что никто никогда не видел у Бейкера яда и не слышал рассказов о наличии у него вещества, которое может быть использовано как яд. Подвело и нетвёрдое опознание подозреваемого дальнобойщиками Мейхемом и МакКолеем, Поэтому, как это ни покажется кому-то удивительным, на первом этапе Джеймс Бейкер был обвинён лишь в хищении 20\$ из бумажника Генри Гау, и именно на основании этого обвинения был оформлен первый ордер на арест убийцы.

В дальнейшем обвиняемый делал взаимоисключающие заявления, и трудно сказать, являлось ли подобное поведение следствием его душевной болезни или же представляло собой хорошо продуманную тактику по развалу следствия. Уже 27 февраля Бейкер признался судье Моррису Кёнигу (Morris Koenig) в убийстве Гау и ещё 2-х человек, чьи имена он якобы не знал. А менее чем через неделю – 4 марта, в судебном заседании по поводу назначения залога – он заявил, что никого не убивал и никогда не признавался в убийствах людей. Газетчики, следившие за поведением обвиняемого в ходе этого заседания, описали Бейкера как «сдержанного и серьёзного» молодого мужчину («Subdued and serious»). Несмотря на заявление о своей полной невинности, в освобождении под залог Бейкеру было отказано, что вызвало немалое его удивление.

Несколько позже обвиняемый с видом оскорблённой невинности отверг подозрения в собственной гомосексуальности и заявил, что у него есть «дама сердца» – некая Элеонор Рэй (Eleanor Ray), девушка, проживавшая на ферме неподалёку от Фармингтона. Настаивая на своей абсолютной гетеросексуальности, Бейкер признался, что имел намерение убить некоего соперника, также искавшего расположения Элеоноры, и даже пошутил, что его противник не знал, насколько рисковал, противопоставляя себя ему! После этого признания Бейкер опять вернулся к рассказам о совершённых убийствах и для подтверждения того, что он очень опасен, рассказал, как убил мужчину в городке Айлоайло (Poilo) в штате Пенсильвания. Это было нечто новое – прежде Бейкер в этом убийстве не признавался.

После этого признания последовало ещё одно. Джеймс рассказал, что 20 января 1929 г. убил железнодорожного детектива Уолтера Ои (Walter Aue). По его словам, детективу что-то не понравилось во внешнем облике Бейкера, и он потребовал, чтобы Бейкер подошёл. Джеймс сделал вид, будто не расслышал сказанное, но детектив повысил голос и пригрозил выстрелить. Бейкер снова проигнорировал обращённые к нему слова, вынудив тем самым детектива выстрелить. Уже после того, как полицейский применил оружие, Бейкер стал стрелять в ответ и выпустил в детектива в общей сложности 5 пуль.

Это были, конечно же, поразительные рассказы! На протяжении всего лишь 2-х недель Бейкер сообщил об убийствах в общей сложности 11 человек, то давая признательные показания, то отзывая их.

Попытки проверить утверждения приводили к результатам, мягко говоря, неоднозначным. Так, в частности, в городке Ньютон-Фоллс (Newton Falls), в штате Огайо, удалось отыскать Генри Паркса (Henry Parks), того самого отчима, которого Бейкер якобы застрелил в возрасте 14 лет. Оказалось, что подросток действительно стрелял в него, но ранил в ногу, и мужчина выжил. Детектив Уолтер Ои действительно был убит в январе 1929 г. при исполнении служебных обязанностей, но произошло это не так, как рассказывал Бейкер. Более того, преступление это произошло на глазах свидетелей, так что ошибочность «признания» обвиняемого не могла быть оспорена.

Возникли безответные вопросы и по другим эпизодам признаний Бейкера. В частности, полиция Хьюстона ничего не знала об убийстве (и о смерти вообще) человека по фамилии Хоникат. Также не удалось добиться ясности в вопросе отравления экипажа танкера «Гол-

фпорт» – за прошедшее время судно сменило владельца и, как выяснилось в ходе проверки, у прежнего хозяина корабля документация велась крайне беспорядочно. В экипаже была большая текучка, имело место привлечение матросов без должного оформления и пр.

В этой обстановке окружной прокурор Томас Крейн благоразумно решил игнорировать все материалы о преступлениях в других регионах за исключением Нью-Йорка. Джеймс Бейкер был обвинён только в убийстве Генри Гау, хищении его денег и ограблении «дальнобойщика» МакКолея. Сообщения о совершении иных преступлений было решено игнорировать. Наверное, такая практика была правильной, окружной прокурор знал, что делает.

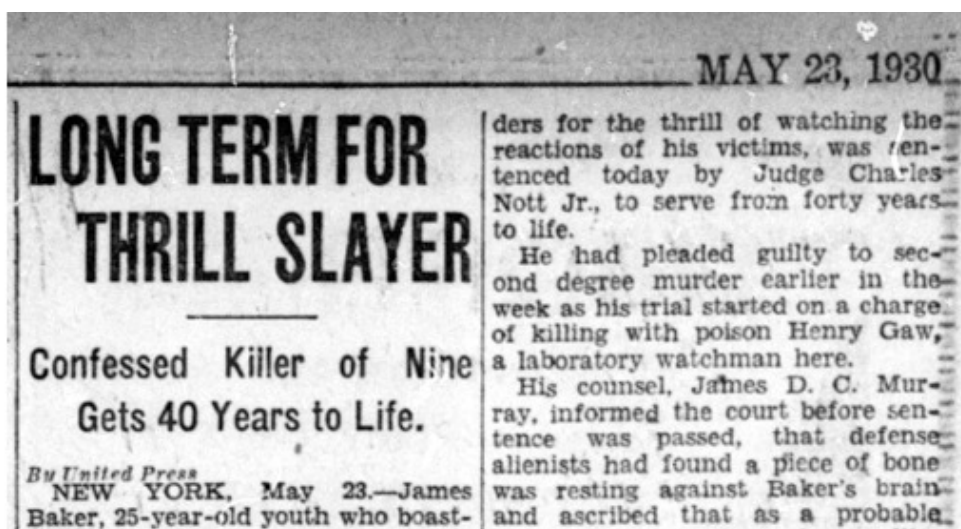
Ко времени судебного процесса, который начался в мае 1930 г., обвиняемый обзавёлся новым адвокатом – более успешным и известным Джеймсом Мюрреем (James D. C. Murray). Последний также защищал Бейкера бесплатно, решив, очевидно, что участие в громком процессе послужит неплохой рекламой его профессиональных услуг.

Мюррей в своей защите сделал ставку на доказывание невменяемости подзащитного. Проведённое по его настоянию детальное обследование выявило серьёзное поражение мозга Бейкера, обусловленное тем, что одна из костей черепа имела аномалию развития и росла внутрь. Ввиду этого подлежащая часть мозговой оболочки испытывала постоянное давление, что могло приводить к самым разным отклонениям – от слепоты и глухоты до паралича и всевозможных галлюцинаций.

Нельзя не признать того, что это был очень удачный «заход» адвоката, если Бейкер и мог сохранить жизнь, то только построив защиту на собственной невменяемости.

Процесс над Джеймсом Бейкером прошёл в середине мая 1930 г. без каких-либо сюрпризов и сюжетных зигзагов. Бейкер проявил удивительное здравомыслие и в начале процесса заявил, что не может считать себя виновным или невиновным, поскольку плохо помнит события декабря 1928 г. После этого он отказался от дачи показаний, предоставив адвокату полное право делать своё дело. Мать убитого Генри Гау продемонстрировала редкостное добросердечие и в своей речи выразила надежду на то, что обвиняемый не будет приговорён к смертной казни. Она великодушно заявила: «Он сын чьей-то матери, его следует поместить в какое-либо [специальное] учреждение» («He is some mother's son. He ought to be put into some institution.»).

Адвокат демонстрировал присяжным рентгеновские снимки черепа подсудимого, рассказывая о тех страданиях, которые тот испытывал... или якобы испытывал, поскольку о страданиях Бейкера нам доподлинно ничего не известно. Присяжные явно впечатлились душераздирающей речью адвоката Мюррея и в своём вердикте постановили, что Бейкер должен быть осуждён как виновный в убийстве 2-й степени, хотя у них имелся выбор, и они могли квалифицировать деяние подсудимого как убийство 1-й степени.

Статья с рассказом об осуждении Джеймса Бейкера 23 мая 1930 года.

Однако судья Чарльз Нотт-младший (Charles Nott Jr) ничуть не впечатлился милосердием присяжных, и хотя мог отправить подсудимого в тюрьму на 20 лет, 23 мая 1930 г. приговорил того к сроку от 40 лет до пожизненного. По-видимому, все эти игры в «больную голову» и «слабую память» судью совершенно не тронули, и он посчитал, что Джеймсу Бейкеру желательно на свободе не быть приблизительно никогда.

Осуждённый попал в печально известную тюрьму «Синг-синг», и о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Независимо от того, действительно ли Джеймс Бейкер был слаб на головушку или же адвокат лишь умело спекулировал на вероятности подобного недуга, тюрьма «Синг-синг» являлась местом крайне бесполезным для здоровья, и шансов на то, что Бейкер мог пережить там 40-летнюю отсидку, нет.

Возможно, последующие изыскания любителей американской криминальной истории позволят пролить свет на дальнейшую судьбу этого необычного преступника. Помимо деталей его биографии, очень интересными могут оказаться и документы медицинского обследования, проведённого весной 1930 г. – они бы помогли лучше понять, что представлял из себя этот преступник.

Хотя Бейкер в разное время сообщал об 11 случаях совершённых им убийств, осуждён он оказался только за лишение жизни Генри Гау. Можно ли говорить о нём, как о многоэпизодном преступнике, или же перед нами обычный мифоман [как вариант, настоящий сумасшедший], чьи рассказы об убийствах являются плодами его фантазии?

Небо в клетку и друзья в полоску – вот примерно такие картинки Джеймс Бейкер наблюдал вокруг себя после мая 1930 года.

Вопрос этот интересен, и точного ответа, думается, ещё не существует. Но утверждать, что Бейкер никого, кроме Гау, не убивал лишь потому, что правоохранные органы не смогли отыскать подтверждений его признаниям, не совсем правильно. Система учёта населения и полицейская статистика в США вплоть до начала Второй Мировой войны были крайне несовершенны и формальны. Люди, отравленные таким хитрым ядом, как цианистый калий, с большой вероятностью внимания правоохранных органов к себе не привлекали, а потому трупы их не вскрывались. И даже если коронер вскрытие проводил, то с большой вероятностью следы яда не обнаруживались, ибо циановые соединения весьма активны и даже в мёртвом теле исчезают очень быстро. Кроме того, некоторые из убийств, в совершении которых признавался Бейкер, произошли в других частях света – в Германии и на Филиппинах.

Понятно, что в Америке конца 1920-х гг. никто бы не стал заморачиваться наведением справок в столь удалённых регионах планеты.

В каком-то смысле аналогом Бейкера можно назвать Карла Панцрама, ещё одного серийного убийцу, жившего примерно в то же время и также сумевшего остаться для Правосудия практически незаметным. Панцрам сам заявил о себе как о многоэпизодном убийце, написав рукопись, которую подарил тюремному конвоиру в знак признательности за проявленную доброту. Если бы Панцрам этого не сделал, то он так и сгинул бы во тьме минувших лет совершенно безвестным уркой, подобно десяткам и даже сотням тысяч жестоких уголовников, чьих имён мы не знаем [и которые нам по большому счёту вообще неинтересны]. Но поразительная история жизни Карла Панцрама, написанная лаконичным и безыскусным языком морального уродца, дышит такой правдой жизни, что искренность её и правдивость под сомнение сейчас не ставятся.

Рассказы Джеймса Бейкера, травившего несимпатичных ему людей в полуподпольных пивнушках и получавшего от этого большое внутреннее удовлетворение, также выглядят достоверно. Прежде всего, с точки зрения объяснения движущего мотива – обман жертвы и окружающих, рискованная игра с Судьбой, осознание власти над жизнью и смертью другого человека... То, как Бейкер описывал свои действия и объяснял их, звучит логично, достоверно и убедительно. Разумеется, суждения автора оценочны и не могут считаться подлинным доказательством того, что Бейкер – серийный убийца, но с течением времени, возможно, появится фактология, способная надёжно подтвердить либо опровергнуть рассказы преступника.

Независимо от того, кем в действительности являлся Джеймс Бейкер – серийным убийцей или душевнобольным мифоманом – история его преступных походов представляется интригующей и с полным правом заслуживающей нашего внимания в числе прочих загадочных преступлений прошлого.

Попутчик

Шаблон плохого детективного романа или фильма традиционно рисует образ злобного упыря за рулём, похищающего безобидных автостопщиков или обычных людей с обочины. Однако случайные встречи в дороге – это дверь, которая открывается в обе стороны. В далёком уже 1986 г. вышел кинофильм «Попутчик» («The hitcher») с Рутгером Хауэром, в котором данный тезис проиллюстрирован весьма зримо и доходчиво. Именно в честь этого, весьма годного по тем временам, фильма настоящий очерк и получил своё лаконичное, но весьма содержательное название.

История эта как раз про дороги и те неожиданные встречи, что происходят при рутинных на первый взгляд поездках из пункта А в пункт Б. Начать её можно по-разному, но что ещё удивительнее, её и закончить можно тоже по-разному, ибо полной ясности в событиях давно минувших лет не существует.

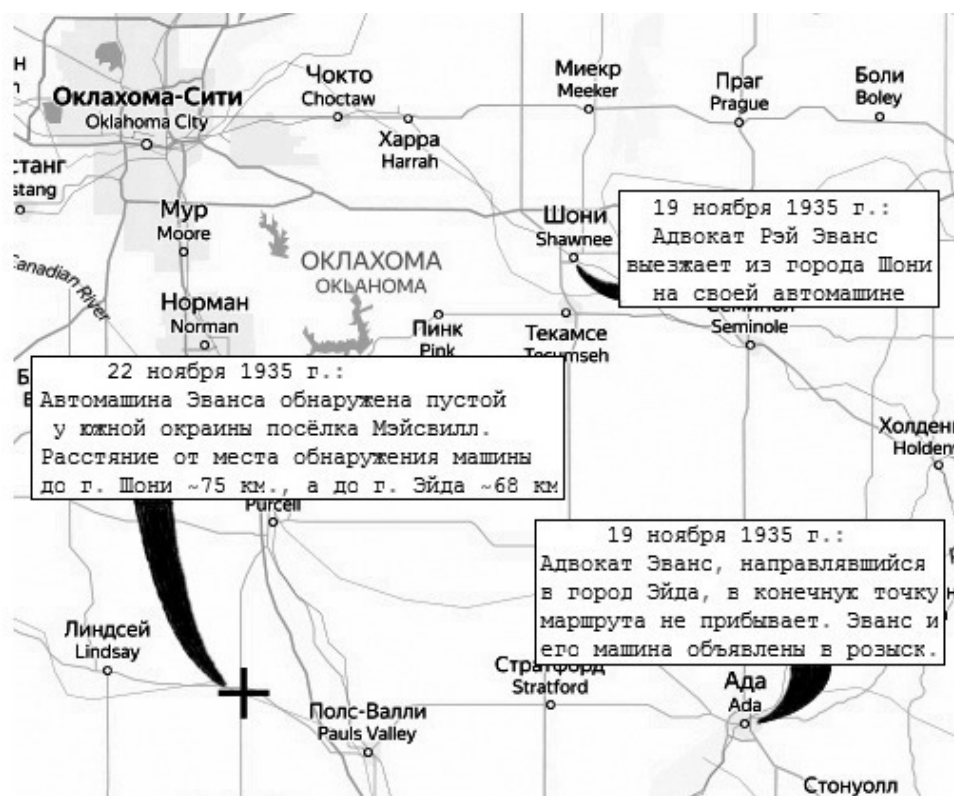
22 ноября 1935 г. на выезде из небольшого городка Мэйсвилл (Maysville), округ Гарвин, расположенного в 75 км южнее города Оклахома-сити, столицы штата Оклахома, произошло небольшое ДТП. Новый коричневый «шевроле» вильнул на пустой дороге и на большой скорости съехал в кювет. Дальше произошло нечто странное – из автомашины со стороны пассажира выскочила совсем юная девушка – или даже девочка – и бросилась прочь в кусты. А со стороны водителя с задержкой в пару секунд вылез молодой мужчина, который, прихрамывая, тоже побежал прочь от машины, только в противоположную сторону.

Со стороны это бегство могло бы выглядеть комично, но в ту минуту дорога была пуста, и никто не видел ни съехавшую в кювет автомашину, ни убежавших от неё в разные стороны людей.

Поскольку свидетелей инцидента не было, его время осталось неизвестно. Но проезжавшие по дороге видели пустую автомашину в кювете и, пользуясь ближайшими телефонами, сообщали дорожной полиции штата об увиденном. В течение четверти часа диспетчер принял 4 сообщения и направил к месту ДТП пару патрульных на мотоцикле. Это был 1935 г. – тогда радиофицированных автомашин не имел даже президентский кортеж – и основным средством связи дорожной полиции являлся телефон.

Патрульные обнаружили брошенную коричневую автомашину на дороге к югу от Мэйсвилла примерно в четверть одиннадцатого. Они сразу узнали её – машина эта находилась в розыске с 19 ноября. Удивительно даже, что угонщик не потрудился за прошедшее время хотя бы сменить номерные знаки!

На этой автомашине 19 ноября отправился в путь адвокат Рэй Эванс (Ray Evans), проживавший в городе Шони (Shawnee), удаленном от Мэйсвилла более чем на 75 км по прямой. Юрист намеревался приехать в город Эйда (Ada), где предполагал встретиться с клиентом. Встреча так и не состоялась – адвокат и его автомашина исчезли. Городок Эйда был расположен несколько ближе к Мэйсвиллу – расстояние до него составляло чуть менее 70 км – но, тем не менее, сложно было представить, чтобы Эванс отправился сюда без какой-то ясной цели.

Эта карта позволяет получить представление о взаимном расположении объектов, связанных с перемещениями автомашины Рэя Эванса. Посёлок Мэйсвилл находился далеко в стороне от шоссе Шони-Эйда, по которому должен был двигаться адвокат Эванс в своей машине. То, что транспортное средство оказалось найдено совершенно не там, где должно было находиться, и притом спустя 3 суток со времени исчезновения, наводило на самые печальные размышления о судьбе её владельца.

Патрульные осмотрели машину сначала снаружи, потом внутри. Дорожная полиция в отличие от других полицейских служб обладала правом обыска [как личного, так и транспортного средства] без санкции судьи, так что с юридической точки зрения действия патрульных были абсолютно правомерны. Ничего подозрительного в салоне автомашины найдено не было. Багажник оказался пуст. Мелкие личные вещи – вроде перчаток, головного убора, портфеля – отсутствовали.

Оставалось только гадать, что именно могло произойти с владельцем машины и где он находится.

Пока дорожная полиция занималась своим делом, в частности, организовывала транспортировку брошенной машины на стоянку в Оклахома-сити, служба шерифа округа Мак-Клейн (McClain) отрабатывала другую зацепку, связанную с исчезновением адвоката.

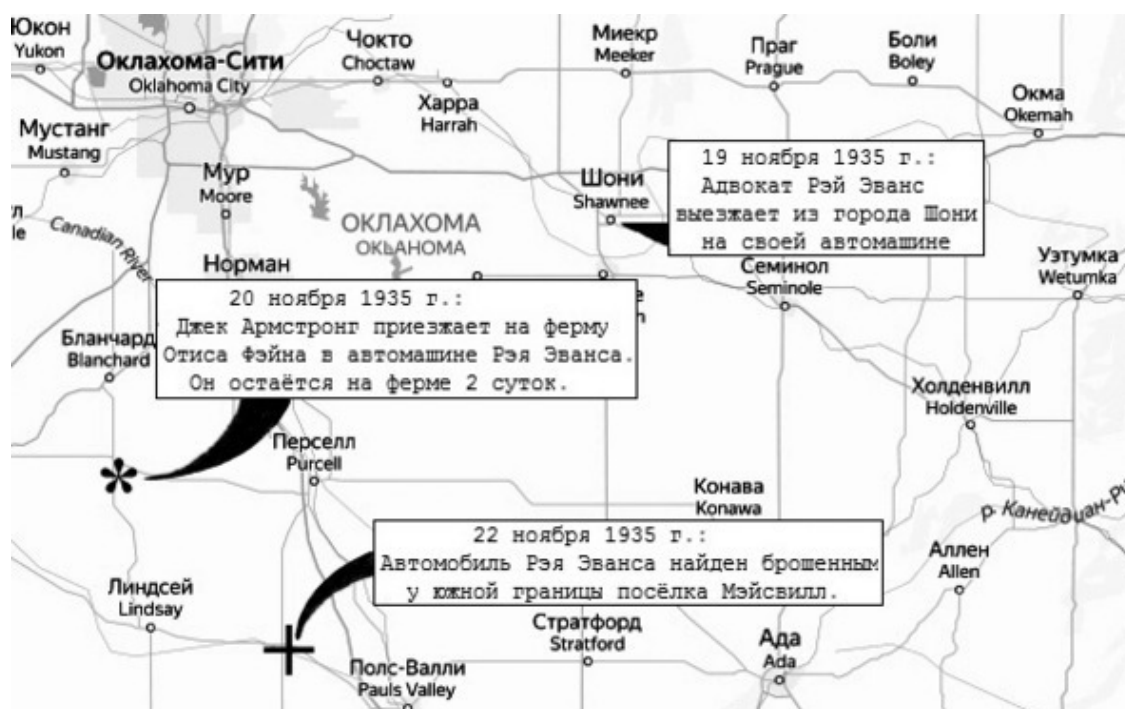
Утром 22 ноября, примерно в то же самое время, когда неизвестный предположительно покидал Мэйсвилл на автомашине адвоката Эванса, диспетчер службы шерифа принял телефонный звонок, содержащий просьбу прислать на ферму Отиса Фэйна (Otis Fain) детективов. Согласно утверждению Минни Фэйн, дочери владельца фермы, семья была взята в заложники и находилась в руках бандита 48 часов, сейчас они освободились и хотели бы сделать соответствующее заявление.

На ферму, находившуюся в канзасской степи приблизительно в 15 км южнее городка Бланшар, прибыли детективы, и услышали довольно необычный рассказ. По словам потерпевших, утром 20 ноября к ним приехал некий Джек Армстронг, работавший минувшим летом батраком, который под угрозой оружия потребовал еды и спиртного. Заперев семью в погребе,

который был оборудован как убежище против нередких в этой части страны тайфунов, Армстронг хозяйничал на ферме двое суток. За это время он, по-видимому, отъелся и отоспался. Обитатели фермы выслушали немало угроз и унижений, и дело могло закончиться большой бедой, но, к счастью для заложников, Минни Фэйн, дочь Отиса, во время приготовления ужина вечером 21 ноября сумела уговорить Джека уехать. Она отдала ему 3\$, спрятанные на чёрный день среди кухонной посуды – все деньги, что имелись в распоряжении небогатых фермеров. Джек Армстронг, выслушав Минни и получив деньги, пообещал подумать над её словами, и поутру 22 ноября заложники с удивлением обнаружили, что их мучитель исчез, перерезав телефонные провода.

Фэйны знали своего мучителя – в середине июля они нанимали его для выполнения кое-каких работ. Армстронг представился слесарем-водопроводчиком и таковым он, по-видимому, действительно являлся. Во всяком случае, он весьма быстро и толково собрал душ, поилку для скота и выполнил кое-какие кровельные работы. В середине лета это был совершенно адекватный и очень милый человек, никто из фермеров не мог поверить, что Джек в середине июля и в конце ноября – один и тот же человек. Перемена, произошедшая с ним за несколько месяцев, оказалась разительной! Сейчас, в конце осени это была просто двуногая скотина, а не человек!

Какая же связь существовала между Джеком Армстронгом и исчезнувшим адвокатом Рэем Эвансом? Да самая непосредственная – Армстронг приехал на ферму Фэйнов на автомашине адвоката [напомним, последний исчез в середине дня 19 ноября, а Армстронг приехал на ферму утром 20-го]. То, что преступник, взявший заложников, перемещался на автомашине пропавшего без вести юриста, рождало самые серьёзные опасения за жизнь последнего.

Карта территории штата Оклахома юго-восточнее столицы штата г. Оклахома-сити. Информация о захвате заложников на ферме Отиса Фэйна позволила уточнить перемещение автомобиля адвоката Эванса по территории штата. После того, как 19 ноября адвокат выехал из города Шони, его автомобилем завладел некий Джек Армстронг, приехавший утром 20 ноября на ферму Фэйнов в 15 км к югу от г. Блэнчард. Там он пробыл до раннего утра 22 ноября и покинул ферму на машине адвоката. Спустя несколько часов транспортное сред-

ство было обнаружено брошенным на выезде из посёлка Мэйсвилл. Расстояние от Шони до фермы Отиса Фэйна и Мэйсвилла примерно одинаково и составляет около 80 км.

Точное расстояние от фермы Отиса Фэйна до Шони составляло 82 км по прямой, а от фермы до места обнаружения брошенной машины – 32 км. То, что преступник разезжает по дорогам штата на чужой автомашине, не утруждая себя заменой номеров, свидетельствовало, как минимум, о двух важных элементах психики и интеллекта, влияющих на его поведение. Во-первых, он дерзок и не боится полиции, при попытке задержания этот человек готов, не раздумывая, применить оружие. А во-вторых, он хорошо знает местность, благодаря чему ему удаётся проезжать многие десятки километров, избегая встреч с дорожной полицией.

То, что некий дерзкий преступник перемещается на автомашине уважаемого адвоката, рождало серьёзные опасения в благополучии последнего. Эванс, родившийся 27 сентября 1895 г., к 40 годам достиг известного жизненного успеха. Вместе с адвокатом Ричардом Аррингтоном он являлся совладельцем самой дорогой и респектабельной юридической конторы в Шони, которая успешно перенесла испытания Великой депрессией. Помимо работы по своей основной специализации – сопровождению сделок с недвижимостью – Эванс активно занимался работой в местной масонской ложе и благотворительностью.

Рэй Эванс. Успешный адвокат, специализировавшийся на сопровождении сделок с недвижимостью, был убит на 41-м году жизни.

Рэй был женат и воспитывал 9-летнюю дочь Бетси Энн. Его исчезновение явилось сильным ударом для родных и близких.

Итак, 22 ноября тайна исчезновения адвоката Эванса, казалось, немного приблизилась к разгадке. По крайней мере, так казалось в середине дня... Но ближе к вечеру в деле произошёл новый воистину непредсказуемый поворот.

В службу шерифа округа МакКлейн (McClain) позвонил некий Чарльз Стивенс (Charles Stevens), проживавший в Мэйсвилле мужчина, заявивший о попытке похищения его 14-летней дочери Элизабет. Самое интересное в его рассказе заключалось в том, что заявитель прекрасно знал похитителя! По словам Чарльза, девочку попытался увести из города Честер Комер (Chester Comer), являвшийся мужем её старшей сестры Люсилль Стивенс Комер (Lucille Stevens Comer). Честеру было 25 лет, он женился на Люсилль 5 месяцев назад, и парочка уехала в свадебное путешествие. Люсилль с тех пор никто из близких не видел, но она периодически звонила домой из других городов. Сегодня утром Честер Комер неожиданно появился в Мэй-

свилле и, встретив Элизабет возле магазина, сообщил девочке, что сестра попала в больницу и ей следует отправиться с ним туда.

Они сели в автомашину, которой управлял Честер, и поехали в южном направлении. Поначалу Элизабет не чувствовала подвоха, ей мешало сосредоточиться беспокойство за жизнь сестры, да и к Честеру она относилась с полным доверием, как к родственнику. Но девочка быстро сообразила, что о своей поездке необходимо сообщить родителям, да и о ранении Люсилль тоже следует рассказать папе и маме. Девочка попросила Честера остановиться возле аптеки или магазина, где есть телефон, но тот отреагировал неожиданно агрессивно и приказал ей заткнуться.

Столкнувшись с такой реакцией, Элизабет поняла, что происходит нечто ненормальное и дальнейшее не сулит ей ничего хорошего. Следует отдать должное смекалке и отваге, проявленным Элизабет в ту минуту – девочка схватила руль и стала выворачивать его на себя, вынуждая Честера сбросить скорость. Последний явно оказался не готов к подобному повороту событий, мужчина не смог предотвратить прыжок девочки на руль, завязалась борьба, машина завилась и на скорости скатилась в кювет. Элизабет ударилась спиной о лобовое стекло и приложила головой о руль, так что весь телесный ущерб свёлся к тривиальной шишке на голове. А вот Честер здорово ударился о руль грудью, вполне возможно, что сломал ребро [или даже не одно].

Элизабет бежала с места ДТП и кружным путём добралась до дома, опасаясь погони. Но Честеру, судя по всему, было не до неё – он тоже бежал. Чарльз Стивенс не знал, где его следует искать, но сообщил помощнику шерифа адрес, по которому в Оклахома-сити проживали родители Честера.

Элизабет сообщила номер и цвет кузова автомобиля, на котором в Майсвилл приехал Честер Комер. Проницательные читатели наверняка уже догадались, что это была машина адвоката Рэя Эванса. Та самая, на которой 20 ноября «Джек Армстронг» появился на ферме Отиса Фэйна. А сам «Джек Армстронг» оказался Честером Комером – это было установлено с абсолютной надёжностью в течение последующих 24 часов.

14-летняя Элизабет Стивенс проявила неожиданные для её возраста смелость и сообразительность, чем спасла собственную жизнь. Кроме того, её рассказ позволил установить личность таинственного «Джека Армстронга», разъезжавшего по Оклахоме в машине исчезнувшего адвоката.

Отец подозреваемого – Джеймс Уильям Комер (J. W. Comer) – будучи допрошен вечером 22 ноября, сообщил, что сын покинул дом родителей утром 18 ноября и отправился куда-

то в сельскую местность работать. По словам отца, Честер был слесарем-водопроводчиком, рукастым парнем, для которого всегда находилась работа у фермеров. Рассказывая о сыне, отец уточнил, что тот был женат вторым браком на Люсилль Стивенс-Комер (Lucille Stevens Comer) – в этой части показания отца полностью совпали с рассказом Чарльза Стивенса. Где проживали супруги, Джеймс не знал, но припомнил, что сын что-то говорил о том, что после продолжительной поездки в Техас они планировали снять домик в пригороде Оклахома-сити.

На вопросы о первой жене сына отец сообщил, что звали её Элизабет Чайлдерс (Elizabeth Childers), Честер расстался с нею довольно давно. Где она находится сейчас и чем занимается, Комер-старший не знал.

Другая небезынтересная часть показаний отца подозреваемого оказалась связана с Арнольдом, младшим братом Честера. Арнольд был на 7 лет младше Честера, но с самых юных лет отличался крайне конфликтным, буквально безудержным характером. В возрасте 14 лет, т.е. в 1931 г., он совершил тройное убийство в Арканзасе, его жертвами стали члены одной семьи – отец, мать и дочь. Юного убийцу поместили в интернат для трудных подростков, где он в 1934 г. совершил ещё одно убийство – на этот раз товарища по палате. После этого его поместили в одиночную камеру, в которой Арнольд находился уже более 15 месяцев. В общем, несмотря на свою юность, зверёныш был ещё тот!

Одна из немногих более или менее качественных фотографий Честера Комера.

Допрос Комера-старшего оставил двойственное впечатление. С одной стороны, отец не обеспечил сыну *alibi*, но с другой стороны не прояснил вопрос о мотивации Честера, если только тот действительно был причастен к нападению на адвоката Рэя Эванса. Хотя занятые расследованием детективы из дивизиона уголовных расследований полиции штата не сомневались в том, что именно Честер Комер пытался похитить Элизабет Стивенс, и были уверены, что именно он брал в заложники семью фермера Отиса Фэйна, тем не менее, оставалась некоторая вероятность того, что машиной адвоката изначально завладел некий иной преступник. И именно этот преступник расправился с адвокатом. От этого преступника машина могла каким-то образом попасть в руки Честера Комера, скажем, он мог её просто угнать, или выиграть в карты, или каким-то иным образом заполучить в своё распоряжение.

История выглядела не до конца понятной, и чтобы разобраться в её перипетиях, необходимо было отыскать самого Честера либо кого-то, кто мог рассказать о его времяпрепровождении в период с 18 по 22 ноября.

На этом закончился вечер 22 ноября 1935 г.

Следующий день оказался богат на самые разнообразные события. В первой половине дня помощники шерифа, работавшие в посёлке Мэйсвилл и его окрестностях, сообщили об обнаружении независимых свидетелей, видевших в утренние часы 22 ноября Честера Комера за рулём автомашины адвоката Эрвина. Речь шла в общей сложности о 4-х свидетелях, опознавших Честера по фотографии [фотографии Комера в течение ночи с 22 на 23 ноября были размножены и вручены всем правохранителям, занятым розыском этого человека]. В принципе, эта информация ничем не помогала поимке подозреваемого и не сообщала следствию ничего нового – ведь и без того было известно, что Комер управлял в тот день машиной адвоката. Но добытые сведения могли оказаться очень полезными для последующего доказывания вины Комера в суде.

Так что обнаружение этих свидетелей следовало признать успехом правоохранных органов.

Однако после полудня поступили новости совсем иного рода. Из поселения Пьемонт (Piedmont), расположенного приблизительно в 25 км северо-западнее Оклахома-сити, поступило сообщение об исчезновении отца и сына Симпсон – Льюиса и Уоррена (L.A. Simpson & Warren) – уехавших на автомашине «Chevrolet Delux Master» 1935 года выпуска с номером регистрации «Оклахома 9072». Им предстояло проехать до города Кингфишер и вернуться обратно [47 км в одну сторону], и время их появления дома хорошо просчитывалось наперёд. После того, как задержка достигла часа, миссис Симпсон попросила брата мужа проехать по маршруту, поскольку предположила поломку автомашины на шоссе. Ричард Симпсон откликнулся на просьбу, проехал до Кингфишера и выяснил, что машины брата на шоссе нет. Но что было ещё хуже, в Кингфишере, как выяснил Ричард, она тоже не появлялась!

В общем, Симпсонов спохватились довольно быстро. Исчезновение двух человек, уехавших на автомашине, купленной в салоне всего пару месяцев назад, с самого начала розыска рассматривалось как криминальный эксцесс. И с самого начала Комер находился в числе основных подозреваемых.

Именно на таком «Chevrolet Delux Master» 1935 г. выпуска отец и сын Симпсоны отправились в свою последнюю поездку утром 23 ноября 1935 г. Несмотря на то, что исчезновение фермеров с большой долей вероятности свидетельствовало о трагедии, раннее оповещение правоохранных органов о случившемся предоставляло им уникальный шанс поймать преступника за рулём чужой автомашины.

Хотя исчезновение отца и сына Симпсон с большой долей вероятности свидетельствовало о трагедии, раннее оповещение правоохранительных органов о случившемся имело большое значение. Честер Комер, получив в своё распоряжение автомобиль адвоката Рэя Эванса, разъезжал на нём по дорогам Оклахомщины несколько дней. Если машина Симпсонов попала в руки того же Комера, то вполне вероятно, что и от этой машины преступник не станет сразу избавляться, а предпочтёт покатайся на ней несколько дней. А значит, у правоохранителей – прежде всего, дорожной полиции штата – появлялся уникальный шанс поймать преступника за рулём чужой автомашины!

Прошло несколько часов, и вечером того же дня в службу шерифа округа Понтоток поступило заявление от Миртл Шипман, проживавшей в городе Эйда и владевшей там рестораном. Женщина сообщала об исчезновении своей дочери Мэри Пиплс, 17-летней девушки, ушедшей из дома бабушки, но не возвратившейся к месту проживания. Поскольку в Понтотоке уже знали о появлении преступника на ферме Отиса Фэйна и попытке похищения 14-летней Элизабет Стивенс, заявление Шипман сразу же привлекло к себе максимальное внимание «законников».

Карта центральной части Оклахомы даёт представление о перемещениях Комера в последнюю декаду ноября 1935 года. Покинув ферму Отиса Фэйна, преступник предпринял неудачную попытку похищения Элизабет Стивенс, после чего бежал и спустя немногим более суток завладел автомашиной, в которой ехали отец и сын Симпсоны. Как видно, в предположении, согласно которому преступник из района Пьедмонта перебрался в Эйду, не было ничего экстраординарного – он вполне мог преодолеть по просёлочным дорогам 135 км.

Предположение о причастности Честера Комера к исчезновению Мэри Пиплс напрашивалось само собой. Комер, судя по всему, являлся сексуальным хищником, и возраст партнёра его интересовал мало – главным критерием являлась доступность жертвы и собственная безнаказанность. Если Комер завладел автомашиной Симпсонов, то он вполне мог силой похитить юную девицу прямо с улицы и увезти в любом направлении – подобный сценарий представлялся в те часы весьма и весьма возможным. Расстояние от предполагаемого места исчезнове-

ния автомашины Симпсонов до Эйды составляло приблизительно 135 км, понятно было, что преступник вполне мог его преодолеть за несколько часов даже не очень быстрой езды.

Ориентирующая информация о номерных знаках пропавшей автомашины, её типе и цвете кузова была доведена до всех дорожных патрулей и сотрудников служб шерифов Оклахомы. Хотя никто не мог дать гарантии того, что преступник не покинет границы штата, сохранялась немалая вероятность того, что он продолжит колесить в окрестностях Оклахома-сити и какое-то время – сутки, двое, может, более – не откажется от использования автомобиля Симпсонов.

У правоохранителей имелся шанс поймать негодяя, и при известном везении в ближайšie часы и дни мог быть положен конец его безудержному кровавому веселью.

Информация о типе разыскиваемой автомашины, цвете её кузова и номерном знаке газетчикам не сообщалась, но от рядовых полицейских и сотрудников служб шерифов она быстро стала известна довольно широкому кругу жителей. Это и понятно – правоохранители предупреждали о разъезжающем по дорогам оклахомщины убийце не только своих «конфидентов» -осведомителей, но и близких родственников, друзей и т. п. Широкое оповещение общественности, хотя и негласное, должно было облегчить поиск и опознавание пропавшей автомашины.

Именно так и случилось! Вечером 24 ноября фермер Джеймс Стэнли (J.L. Stanely), живший в 7 км восточнее Бланшара, поправлял изгородь своего участка. На некотором удалении – в метрах 20 или чуть более, пролегла просёлочная дорога. На ней Стэнли увидел медленно двигавшийся автомобиль с погашенными фарами. Было уже достаточно темно для того, чтобы Стэнли мог рассмотреть номерной знак на переднем бампере, но ещё достаточно светло для того, чтобы увидеть лицо шофёра, внимательно разглядывавшего фермера. Стэнли мысленно отметил, что автомашина – новенький, блестящий «Chevrolet Delux Master» – приехала явно издалека, поскольку окрестные фермеры предпочитали гонять по местным грязям и хлябям на разного рода автохламе, сто крат пересобранном долгими зимними ночами. Стэнли хорошо запомнил водителя неизвестной машины, поскольку они обменялись долгими внимательными взглядами.

Впрочем, через минуту фермер забыл о странной автомашине и её водителе и наверняка бы более не вспомнил, если бы на следующее утро не отправился в Бланшар. И надо же было такому случиться, что на одной из улиц городка он снова столкнулся с тёмно-коричневым «Chevrolet Delux Master», за рулём которого находился тот же самый молодой мужчина! Ну ладно, совпадения случаются, чего уж спорить... Теперь Стэнли имел возможность рассмотреть получше автомашину и запомнить её номер.

В отделении банка, куда Стэнли зашёл по делам, он повстречал давнего знакомого – городского маршала Оскара Морган (Oscar Morgan). Морган не являлся полицейским, в его функции входило исполнение судебных решений, поддержание порядка во время судебных процессов и массовых мероприятий, наложение и взыскание штрафов в казну города, контроль за условно-освобождёнными преступниками, проживавшими в черте города, но он был в курсе розысков Честера Комера и автомашины «Chevrolet Delux Master» с номером «Оклахома 9072». Поговорив с фермером, Морган сообщил тому о проводимой розыскной операции и услышал в ответ рассказ об увиденной дважды автомашине, причём во второй раз – совсем недалеко, буквально в полукилометре от отделения банка.

Оскар Морган.

Маршал, предупреждённый фермером, стал на небольшой скорости патрулировать улицы города. Этим Морган занимался около полутора часов и, наконец, натолкнулся на нужный автомобиль. Без колебаний маршал «подрезал» его и перегородил дорогу. Выскочив из машины, Морган спрятался за капотом и приказал сидевшему в «Chevrolet Delux Master» -е выйти из салона и поднять руки вверх.

Человек, сидевший за рулём «шевроле», по-видимому, оказался застигнут врасплох. Морган перемещался на автомашине, не имевшей опознавательных знаков полиции, кроме того, одет он был в штатское платье, и по его виду невозможно было понять, кто он такой. Несколько секунд человек в «шевроле» тупо таранился на Моргана, и последний повторил приказ.

Водитель «шевроле» сделал вид, будто подчиняется – он медленно открыл дверь и поставил ногу на грунт, как будто бы выходя из салона. А через долю секунды в его руке появился револьвер, и он стал стрелять в маршала, прикрываясь дверцей, как щитом. Маршал открыл ответный огонь.

В общей сложности прогремело около 10 выстрелов. Когда столкновение закончилось, маршал остался стоять с раной в правом плече, а водитель «шевроле» лёг на дорогу с простреленным лбом.

Автомобиль Симпсонов после перестрелки маршала Морганом с Честером Комером.

Всё произошло очень быстро и притом на глазах нескольких свидетелей. Информация о перестрелке в Бланшаре немедленно пошла на самый верх и в считанные минуты была доложена губернатору штата Мэрланду Манди (Marland Monday). На место происшествия немедленно отправились Генеральный прокурор штата Дуайт Брэнтли (Dwight Brantley), полковник Чарльз Дэйли (Charles Daley), руководитель Криминального бюро штата (State Crime Bureau) Смит Хестер (Smith Hester), прокурор округа МакКлейн и другие официальные лица.

Первым делом была установлена принадлежность автомашины, остановленной маршалом Морганом. Быстро выяснилось, что это действительно автомобиль, принадлежавший пропавшим фермерам Симпсонам. Самых Симпсонов в машине не оказалось, и их судьба по-прежнему оставалась неясной.

Быстро удалось установить личность человека, сидевшего за рулём «шевроле». Им оказался Честер Комер, строго говоря, он же сам и назвал себя. Да-да, удивляться не надо, хотя пуля действительно попала преступнику в лоб, тот сохранил способность понимать обращённые к нему вопросы и отвечать на них!

Тут необходимо сделать небольшое пояснение. Детей из «поколения ЕГЭ», вылезших в интернет со своими сверхценными мыслями по вопросам, в которых они ничего не понимают, чрезвычайно забавляют шутки про людей, покончивших с собою двумя выстрелами, или бандитов с пятью пулевыми ранениями в голову, не задевшими мозг. На самом деле феномен неоднократной стрельбы при самоубийстве существует в действительности и хорошо известен судебным медикам. Некоторый процент суицидально настроенных лиц не могут убить себя первым выстрелом даже при стрельбе в висок или в рот. Казалось бы, пуля попадает в башню и – ага! Ан нет, не всё так просто... В момент выстрела рука стрелка может дрогнуть, положение ствола изменится, и тогда пуля не войдёт вглубь черепа, разрушая мозг. Вместо этого она пройдёт по касательной и может вообще не затронуть мозг. Тогда человек производит повторный выстрел. Такие случаи известны, нельзя сказать, что они очень часты, но примерно 5—7% суицидов с использованием огнестрельного оружия реализуются посредством 2-х выстрелов.

Поэтому не надо особенно удивляться тому, что пуля попадает в голову, визуальное причиняет ужасное ранение, такое, что кровянистая хлеще, т и кости черепа торчат из раны, а человек при этом остаётся в сознании и даже может сохранять какую-то двигательную активность.

Такие случаи хорошо известны врачам, особенно военным медикам, и в них нет ничего сверхъестественного и даже просто необыкновенного. Всё зависит от того, как проходит раневой канал.

Хотя пуля и угодила Честеру Комеру в лоб, раздробила кости черепа и вызвала контузию, полученное ранение не привело к немедленной смерти. В момент попадания пули в лоб голова Комера оказалась несколько запрокинута назад, поэтому пуля не прошла мозг, а прошла по касательной, раздробив кости черепа и оставив чудовищного вида открытую рану. Преступника привезли в больницу, оказали первую помощь, и он пришёл в себя. Врачи были уверены: раненый жить с подобным повреждением не сможет; но некоторое время Комер оставался контактен и был способен отвечать на заданные вопросы.

Раненый Честер Комер по прибытии в больницу. Фотограф постарался сфотографировать преступника так, чтобы обезображенный лоб не попал в кадр, но мы всё равно можем видеть лицо, посечённое осколками автомобильного стекла, разбитого пулями маршала.

Несколько должностных лиц успели задать Честеру Комеру вопросы. Смит Хестер, прокурор округа МакКлейн, поинтересовался у преступника, скольких человек тот убил и куда спрятал тела? Комер ответил: «Я покончил с тремя... сбросил тела кучей под трубопроводом... Флитстаун... возле Эйды» («I did away with three.. dumped there bodies in a pile under a pipeline... Flitstown... near Ada»).

Прочие должностные лица, которых, повторим, было довольно много, также подходили к раненому и пытались с ним разговаривать. Комер что-то им отвечал, известны несколько его ответов, дословно записанные сидевшим подле кровати полицейским стенографом. В частности, Комер в разное время произнёс «три тела», «груды тел», «я убил Эванса» и ещё несколько бессвязных фраз. Но обсуждать сказанное здесь и сейчас совершенно незачем – сказанное преступником при последующей проверке оказалось враньём, иначе говоря, почти ничего из сказанного не подтвердилось. Можно обсуждать, умышленно ли лгал раненый и насколько он понимал адресованные ему вопросы, но подобная дискуссия представляется очевидно бессмысленной, поскольку правды мы никогда не узнаем.

Имеет значение лишь то, что на протяжении нескольких часов Честер Комер оставался более или менее контактен и в течение этого времени он ответил на некоторые из задан-

ных ему вопросов. За это время в больницу прибыли родственники преступника [родители и тётка], предупреждённые о его задержании полицией. Поначалу их не пускали к нему, видимо в надежде провести более или менее полноценный допрос, но затем все связанные с этим иллюзии рассеялись, высокие чины разъехались, и близким разрешили пройти в палату.

Впоследствии мать убийцы рассказывала журналистам, что в ту минуту, когда они вошли, Честер находился в сознании – его глаза были открыты и взгляд казался осмысленным. Но едва с ним заговорили, он закрыл глаза и более их не открывал. Он более не приходил в сознание и родителям так ничего и не сказал.

Слева: некто из числа должностных лиц – признаюсь, кто именно, установить не удалось – во время попытки поговорить с раненым Честером Комером. Справа: газетная заметка от 26 ноября 1935 г. с говорящим заголовком «Стрелок впадает в кому, его жизнь под вопросом» («Gunman slips into coma as he is quizzed»).

Честер прожил после ранения более суток и скончался ранним утром 27 ноября 1935 г., так и не рассказав правды о своих похождениях и не объяснив причин содеянного.

Имеет смысл сказать несколько слов о судьбе маршала Оскара Моргана, подлинного героя этой истории. Он выжил, но с ним у врачей получилось не очень хорошо – занесённая в рану инфекция вызвала разнообразные осложнения, которые медицина тех лет толком лечить не умела. Всё-таки антибиотиков тогда не существовало, и потому даже самые незначительные операции могли повлечь весьма и весьма печальные последствия. Инфекция, поразившая Моргана, привела к поражению позвоночника, хотя маршал в конечном итоге смог ходить, возможности его опорно-двигательного аппарата значительно снизились. Он фактически стал инвалидом и после лечения на службу не вернулся, получив небольшую пенсию от штата.

4 декабря Ассоциация адвокатов Оклахомы вручила Оскару Моргану денежную премию в размере 100\$, выразив тем самым признательность за уничтожение убийцы Рэя Эванса [являвшегося членом упомянутой Ассоциации]. Также была отлита особая серебряная медаль в память о перестрелке с Комером. Морган носил эту медаль на своём френче как государственную награду, хотя она таковой и не являлась.

Оскар Морган в больнице.

В последующие годы вышедший на пенсию Оскар приглашался на различные общественные мероприятия в качестве почётного гостя – появлялся на банкетах руководства полицейских служб, открывал всевозможные спортивные мероприятия и т. п. Он был окружён почётом и всеобщим уважением, что до некоторой степени скрадывало весьма прискорбный факт его инвалидности.

Что было обнаружено при обыске одежды Честера Комера и машины, на которой он перемещался?

В кармане его пиджака была найдена записка, гласившая: «Если меня не убьют в этой машине, это будет для меня сюрпризом. Мне не о чем сожалеть. Я предпочитаю быть мёртвым, нежели оставаться рабом общества» («If I am not killed in this car it will be a surprise to me. I have nothing to regret. I had rather be dead than to be a public slave»). Это был своего рода анархистский манифест сродни «живи быстро, умри молодым», в равной степени пафосный и глупый.

Помимо револьвера, из которого Комер стрелял в маршала Моргана, при нём находился ещё один пистолет, а третий хранился в вещах на заднем сиденье автомашины. Полковник Дэйли, начальник Бюро криминальных расследований штата, в своём интервью журналистам охарактеризовал преступника, как «очень хорошо вооружённого и с большим количеством патронов».

В машине был найден портфель адвоката Рэя Эванса, что послужило своеобразным ответом на мучивший всех вопрос, есть ли связь между исчезновениями Симпсонов и исчезновением адвоката Эванса. Да, теперь всякие сомнения на сей счёт отпали.

В захваченной автомашине находились 2 свитера небольшого размера. Они, очевидно, были малы мужчине. После предъявления их миссис Симпсон, она опознала вещи как принадлежавшие её сыну Уоррену.

Вещи, обнаруженные в автомашине Симпсонов после ранения Честера Комера.

Портфель адвоката и свитера Уоррена Симпсона, очевидно, являлись «трофеями» убийцы. Но, кроме того, в его вещах были найдены и предметы женского туалета [косметика и парфюмерия]. Обнаружение женских вещей заставило детективов задуматься, ведь насколько было известно правоохрнительным органам, таких вещей у Комера не должно было быть – на ферме Отиса Фэйна он ничего подобного не забирал, а похищенная им Элизабет Стивенс не имела при себе ни пудры, ни туши, ни духов.

Первым делом на ум приходили вопросы, связанные с судьбами 2-х жён Честера Комера – их довольно долго никто из родственников не видел и не слышал. Вторая жена преступника – Люсилль Стивенс-Комер – в последний раз выходила на связь с родителями 14 сентября 1935 г., в тот день она позвонила им по телефону из городка МакЛин (McLean), расположенного в штате Техас на удалении около 300 км от Оклахома-сити. Честер находился рядом с нею. Из содержания звонка можно было заключить, что Люсилль и Честер отправились в Техас «развлекаться».

И вот тут детективы из Бюро расследований штата задались вполне разумным вопросом: а нет ли связи между Честером Комером и исчезновением 2-х пар туристов в штате Нью-Мексико в мае 1935 г.?

Это была весьма загадочная история, которой в ноябре занимались правоохрнительные органы нескольких штатов и ФБР США. Две супружеские пары из города Ист-Сент-Луис в Иллинойсе 18 мая отправились на отдых в Калифорнию в автомобиле «Nash» 1929 г. выпуска.

Автомобиль «Nash George» 1929 г. выпуска – именно в такой вот самодвижущейся повозке жители Иллинойса отправились в путешествие через всю страну. Машина была не ахти какая – достаточно сравнить её с автомобилем обычных оклахомских фермеров Симпсонов! – но путешественники умышленно выбрали транспорт попроще, дабы не привлекать к себе излишнего внимания. Хотя к 1935 г. «Великая депрессия» формально осталась уже позади, тем не менее, уровень преступности в США оставался довольно высоким и не возвратился к докризисным показателям. Потому путешественники решили не привлекать к себе лишнего внимания в дороге... Впрочем, сия предусмотрительность мало им помогла.

Путешественников звали Джордж и Лаура Лориус (George and Laura Lorius), а их друзей – Альберт и Тилли Хеберер (Albert and Tillie Heberer). Автомобиль принадлежал Джорджу Лориусу. Хотя путешественники отправились в поездку на весьма скромной и притом уже не новой машине, люди они были вполне обеспеченные и имели при себе довольно значительные по тем временам суммы денег: Лориусы взяли с собой 400\$ наличными и дорожными чеками, а Хебереры – 100\$. Для поездки они умышленно выбрали неприметную автомашину, благоразумно рассудив, что в дороге не следует привлекать к себе излишнего внимания. Хотя США постепенно выходили из кризиса, вызванного «Великой депрессией» начала 1930-х гг., криминогенная обстановка оставалась весьма напряжённой, и показатели преступности значительно превосходили уровни второй половины 1920-х гг.

Впрочем, как увидим из дальнейшего, здравый смысл и предусмотрительность путешественников не уберегли их от беды.

21 мая группа благополучно прибыла в городок Вон (Vaughn), штат Нью-Мексико, где заночевала в гостинице с оригинальным названием «Vaughn Hotel». Выежая из гостиницы утром 22 мая, они сообщили, что планируют отправиться к плотине Гувера, до которой им надлежало проехать около 950 км на запад. Через несколько часов они отправили почтовые открытки из города Альбукерке, который лежал как раз на их пути к плотине [от Вона до Альбукерке ~150 км].

Далее след их терялся.

23 мая автомобиль Лориуса попал в незначительное ДТП у городка Сокорро (Socorro), удалённого от Альбукерке приблизительно на 120 км. Номер машины был записан, так что какая-либо ошибка исключалась, вот только за рулём транспортного средства находился

не коротко стриженный блондин в возрасте «за 40» с одутловатым лицом, каковым являлся Джордж Лориус, а молодой парень, худой брюнет с давно нестриженными волосами. Кроме того, Сокорро находится к югу от Альбукерке, в то время как иллинойские путешественники должны были всё время двигаться на запад.

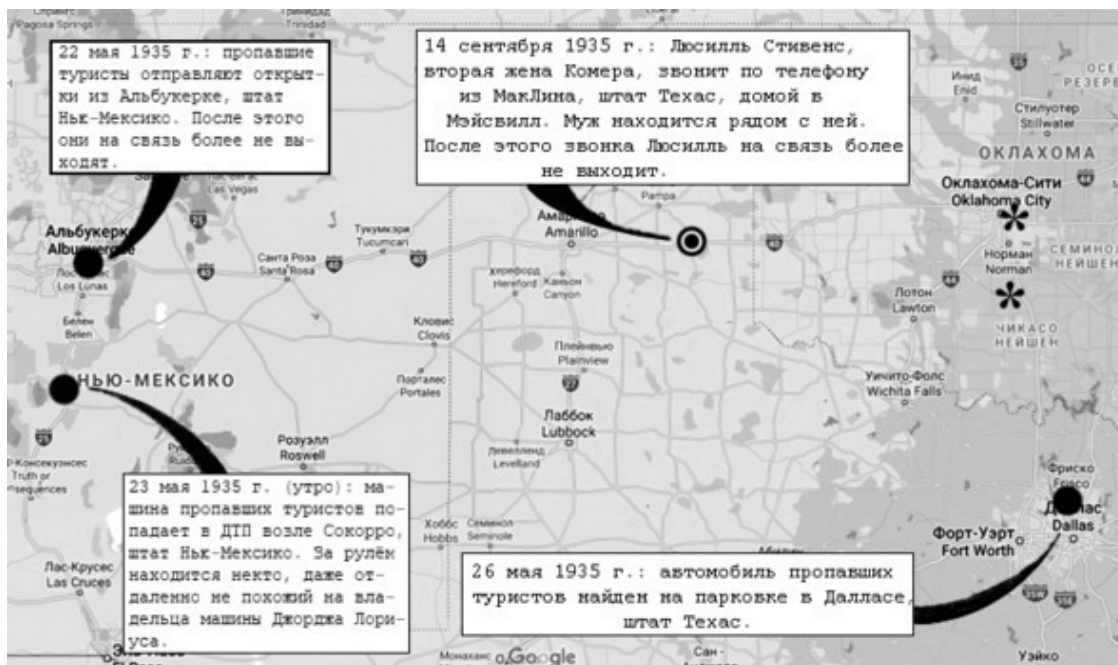
Слева: туристы из Иллинойса, пропавшие в Нью-Мексико 22 мая 1935 г. Машина, на которой они направлялись в сторону «Дамбы Гувера», утром 23 мая попала в небольшое ДТП и скрылась, но, по свидетельству очевидцев, за рулём машины находился отнюдь не Джордж Лориус (слева вверху). Справа: статья из столичной газеты «Evening star» в номере от 23 июня 1935 г., как и ряд публикаций в других газетах, была посвящена обзору расследования таинственного исчезновения 4-х человек в Нью-Мексико.

Инцидент на дороге однозначно свидетельствовал о том, что утром 23 мая автомашина Лориуса уже находилась в чужих руках.

Две пары из Иллинойса исчезли, словно никогда и не существовали. А вот их автомобиль был найден! 28 мая его обнаружили на паркинге в деловой части Далласа. Детективам удалось установить, что машина появилась там 26 числа. Машина была очень грязной как изнутри, так и снаружи, но никаких следов совершённого в ней преступления – крови, пулевых отверстий, гильз и т. п. – при её осмотре найдено не было.

После обнаружения брошенной в Далласе машины стало ясно, что ситуация очень серьёзная и две пары путешественников, скорее всего, стали жертвами преступления. Таковое подпадало под федеральную юрисдикцию [машину отогнали из Нью-Мексико в Техас], а потому к расследованию подключилось ФБР.

Агенты Бюро сумели выяснить, что после небольшого ДТП в Сокорро машина Джорджа Лориуса появилась в небольшой ремонтной мастерской, где работники быстро поправили бампер и заменили колесо. Водитель автомашины – это действительно был не Лориус! – расплатился дорожным чеком, принадлежавшим... Лориусу! Номер чека был установлен агентами ФБР в банке, в котором Джордж менял деньги на чеки перед поездкой.

Карта, демонстрирующая взаимное расположение объектов, связанных с исчезновением путешественников из Иллинойса и поездкой Честера Комера с женой летом и в сентябре 1935 г. Знаками «звёздочка» (*) обозначены места проживания родителей Комера (Оклахома-сити) и Люсилль Стивенс (Мэйсвилл). Прежде всего, бросается в глаза то, что Комер отправился в сторону Альбукерке, что подтверждалось телефонным звонком Люсилль из городка МакЛин в Техасе.

Дальше – больше... Идя по следам чеков, как по хлебным крошкам, сотрудники ФБР установили, что другой дорожный чек из числа принадлежавших Лориусу, был предъявлен в качестве оплаты в отеле в городе Эль-Пасо, штат Техас. И снова человек, отдавший чек, не был похож на Лориуса – это был молодой парень, худощавый брюнет с всклокоченными волосами.

Таким образом, ФБР сумело отыскать нескольких свидетелей, видевших и хорошо запомнивших человека, расплачивавшегося дорожными чеками Лориуса и разъезжавшего на автомашине пропавших туристов.

Очевидно, имело смысл предъявить им для опознания фотографию Честера Комера – вероятность того, что именно он убил туристов и разъезжал на их автомашине, была отнюдь не нулевой [ведь именно так он и действовал в ноябре 1935 г. в родной Оклахоме!].

Уже 26 ноября – в то время, когда Честер Комер был ещё жив – местные газеты сообщили о том, что его подозревают в причастности к исчезновению 4-х иллинойских туристов в Нью-Мексико в минувшем мае. В последующие дни градус напряжения только нарастал и достиг пика 30 ноября, после того, как стало известно, что работники отеля в Эль-Пасо – супруги Уильямсон – по фотографии опознали в Честере Комере того человека, который рассчитался с ними дорожным чеком Джорджа Лориуса.

В первые дни после перестрелки Оскара Моргана с Честером Комером эта новость занимала внимание местной прессы. Причём интрига не только не снизилась ввиду смерти Комера, а напротив, усилилась после того, как стало известно о подозрениях в его причастности к исчезновению туристов на территории штата Нью-Мексико.

В связи с этим рождались обоснованные вопросы, точнее, даже множество обоснованных вопросов. Самый очевидный связан с судьбой жертв Комера: убийца есть, а где же трупы?

Но внимательный читатель наверняка захочет спросить о другом. Вечером 23 ноября пропала 17-летняя Мэри Пиплс, о чём было написано ранее. Исчезновение девушки также связали с активностью Комера, неужели и с нею разделался гнусный упырь? Нет, 24 ноября девушку возле клуба «Green Lantern» в Оклахома-сити задержал патруль службы шерифа – она пыталась пройти внутрь заведения, но её очевидно юный возраст вызвал подозрения «законника», проезжавшего мимо.

Девушку вернули маме и забыли о ней думать. Но, забегая вперёд, скажем, что упомянута она здесь совсем не зря – в своём месте нам ещё придётся вспомнить Мэри и её таинственное бегство из дома.

Впрочем, ещё до того, как работавшие в отеле в Эль-Пасо супруги Уильямсон опознали по фотографии в таинственном «Джеймсе Салливане» («James Sullivan»), расплатившемся дорожными чеками пропавших туристов, Честера Комера, произошло другое важное событие. Вечером 29 ноября родители Элизабет Чайлдс, первой жены Честера Комера, опознали труп дочери по фотографиям и описанию, представленным Департаментом полиции города Канзас-сити, штат Канзас.

Это опознание явилось следствием целенаправленной работы ФБР США, подключившегося к расследованию после того, как стало известно об обоснованных подозрениях в причастности Честера Комера к исчезновению илинойских туристов. Агенты Бюро вполне разумно предположили, что отсутствие 1-й и 2-й жён Комера не являются случайным, их исчезновение могло явиться следствием устранения преступником опасных свидетелей. Если Элизабет Чайлдс и Люсилль Стивенс нет в живых, то может быть, следует провести поиск среди непознанных трупов, найденных на территории западных и южных штатов?

Сильно разложившийся труп неизвестной беременной женщины, впоследствии опознанный как тело Элизабет Чайлдс, был найден в степи южнее Канзас-сити ещё 6 октября 1934 г., то есть, более чем за год до описываемых событий. Тело подверглось сильному разложению, несомненно, оно пролежало на открытом воздухе не одну неделю. Женщина была убита 2 выстрелами в голову. Возраст потерпевшей невозможно было установить, по мнению

врача коронерской службы, ей было не более 25 лет. Ввиду плохой сохранности трупа он был предан земле сразу же после проведения судебно-медицинской экспертизы, а его фотографии и личные вещи направлены для хранения в Департамент полиции города Канзас-сити.

За 13 месяцев, прошедших со времени обнаружения трупа, неоднократно предпринимались попытки его идентификации. Предъявление фотографий супругам Чайлдерс явилось 19-ой (!) по счёту попыткой такого рода. Капитан полиции Канзас-сити Олл Вэллн (All Vahlm), крайне недовольный вмешательством в дело ФБР, на следующий день, 30 ноября, сделал заявление для прессы, в котором сообщил, что опознание супругами Чайлдерс неизвестных останков его «не удовлетворяет» и он не будет считать личность женщины установленной до тех пор, пока Чайлдерсы не докажут точность собственных утверждений. Дословно капитан сказал: «Для того чтобы я поверил, им придётся идентифицировать нечто большее, чем просто картинку» («They'll have to identify more than just a picture before I'll believe it.»).

Супруги были привезены в Канзас-сити и уже в декабре опознали вещи, принадлежавшие их дочери. Им было предъявлены пальто, платье, нижнее бельё [пояс для чулок и бюстгалтер], а также мелкие предметы, найденные в карманах пальто. Что интересно, женской обуви на месте обнаружения трупа не оказалось. В этом месте может возникнуть обоснованный вопрос, почему мать и отец не искали дочь более года, но на него имеется простой ответ. Чайлдерсы являлись совершенно опустившимися людьми, алкоголиками, ничем в жизни не интересовавшимися и несколько лет не поддерживавшими связь с детьми. Они даже не поняли, что дочь их исчезла и более года не выходила на связь... Такие вот люди!

27 ноября в Оклахоме был дан старт поисковой операции, призванной обнаружить тела убитых Комером людей. В поисках участвовали как сотрудники служб шерифов, так и полицейские, и солдаты, и офицеры национальной гвардии. Поначалу поставленная перед ними задача не казалась чем-то экстраординарным и «законники» рассчитывали справиться с ней в течение нескольких дней. Ведь район поисков был приблизительно известен со слов самого преступника, произнесённых по его прибытии в больницу.

Заголовок гласит: «Национальная гвардия поможет в охоте за телами». С 27 ноября 1935 г. в Оклахоме развернулась масштабная операция по поиску тел убитых Комером людей.

Однако гладко было на бумаге...

Район Флитстоун, где Комер якобы спрятал тела 3-х убитых им людей [адвоката Эванса и отца и сына Симпсонов], находился примерно в 10 милях (~16 км) южнее Эйды. После 3-дневных поисков выяснилось, что трупов там нет, и это сразу породило обоснованный вопрос:

насколько вообще можно доверять больничным признаниям Комера? Честер не признавался в убийствах первой жены и путешественников из Иллинойса, но в начале декабря правоохранители уже твёрдо связывали эти преступления с Комером.

Правда, затем последовала новая вводная, до некоторой степени изменившая первоначальную оценку ситуации. Старожилы сообщили сотрудникам службы шерифа о том, что где-то в степи, на значительном удалении от дорог, есть, по меньшей мере, 4 шахты, в которых около полувека назад что-то добывали. Что именно – никто уже толком не знал, кто-то говорил о золоте, кто-то – об угле, кто-то о железной руде с высоким содержанием металла. В общем, в земле имелись 4 здоровенных дыры – старых шурфа – которые невозможно было увидеть со стороны, поскольку вся надземная часть шахт давно была разрушена.

Может быть, трупы сбрасывались в шурфы?

Рассказы про заброшенные шахты сильно смахивали на городские легенды из числа тех, которыми делятся люди у костра, в них не хватало только зомби и таинственных огней в небе и звучали они не очень достоверно, но... каково же было изумление шерифа и его помощников, когда старожилы привели их к старым шахтам! 5 декабря представители сразу из нескольких ведомств дали в прессу информацию о том, что обнаруженные в районе Флитстоун шахты являются весьма вероятным местом сокрытия трупов и нуждаются в тщательном исследовании.

Шахты стали осматривать, что оказалось делом весьма непростым и опасным. Работы в районе Флитстоуна ещё продолжались, как поступила новая информация. Некая Гертруда Бейкер, проживавшая юго-восточнее Оклахома-сити, 5 декабря сообщила помощнику шерифа, что её родной брат Оберт Хейс (Obert Hayes) приходил к ней домой в обществе Честера Комера в ночь с 23 на 24 ноября. Мужчины были крепко пьяны, они разбудили Гертруду громким стуком в дверь, и когда женщина вышла к ним, Хейс обратился к ней с довольно странными словами. Он сказал что-то вроде: «Сестрица, расскажи моему другу о своих проблемах с мужем!»

Гертруда развелась около полугода тому назад, и развод получился отнюдь не мирным. Но в ту минуту женщина сообразила, что общение с двумя пьяными чревато плохой концовкой, а потому разговаривать с мужчинами не следует. Гертруда грубо оборвала Оберта, ответила ему, что с бывшим мужем отношения у неё прекрасные и незваным гостям лучше обратиться подобру-поздорову.

Не впустив брата и его приятеля в дом, Гертруда захлопнула перед ними дверь и отправилась спать.

Рассказ женщины о появлении на пороге её дома брата в обществе Комера чрезвычайно заинтересовал «законников». Предположение о том, что убийца действовал не один, с самого начала походов Комера витало в воздухе, поскольку его неожиданные появления в разных местах и продолжительные исчезновения невольно наводили на мысль о существовании у преступника какой-то «малины», проще говоря, базы, где он мог спокойно отсыпаться, отдохнуть и приводить себя в порядок. И, само собой, у этой «малины» должен был существовать какой-то дружелюбный хозяин или хозяйка.

В общем, слова Герруды Бейкер упали на подготовленную почву.

Немедленно были приняты меры по розыску Оберта Хейса, и уже 6 декабря мужчина был доставлен на допрос. Поначалу он всё отрицал, уверял, будто сестра всё напутала, и он к ней не приезжал посреди ночи... Хейс заявил о наличии у него alibi, и жена подтвердила, что Оберт провёл ночь с 23 ноября на 24-е в её обществе.

Далее, однако, стало интереснее. Соседи во время их опроса сотрудниками службы шерифа сообщили, что Оберт никак не мог провести ночь на 24 ноября в своей квартире, поскольку утром его нашли мирно спавшим на лавочке перед домом. Мужчина крепко «наклюкался» ночью и, опасаясь приходить домой слишком рано и слишком пьяным, решил прикор-

нуть на подходе к родимым пенатам. Хотя Оклахома и южный штат, но ноябрь был месяцем довольно прохладным, и можно только удивляться тому, что сон на лавочке не закончился для здоровья Оберта какой-либо серьёзной неприятностью.

Город Оклахома-сити в 1930 г.

После того, как жене Оберта сообщили о том, что её утверждения об alibi мужа опровергаются показаниями соседей, женщина призналась в обмане. Она заявила, что о даче ложных показаний её попросил муж. После этого признания миссис Хейс взяли под стражу и отправили в окружную тюрьму. Оберта тоже взяли под стражу и стали допрашивать «по-взрослому». Должно быть, Оберту крепко всыпали, и память его резко улучшилась. Он подтвердил, что действительно приезжал к любимой сестрице с каким-то мужчиной, с которым познакомился... где бы вы думали?... трам-пам-пам-пам... в клубе «Green Lantern» в Оклахома-сити! Там они сидели, пили, танцевали с разными девицами.

Рассказ звучал несколько сюрреалистично – опасного убийцу ищут по всему штату, а тот отдыхает в популярном клубе в столице штата! Однако в этом рассказе детективы услышали не только это. Вечером 23 ноября из города Эйда пропала 17-летняя Мэри Пиплс и обнаружили её через 20 часов возле клуба «Green Lantern», куда она пыталась пройти. Мэри умудрилась преодолеть более 100 км – и это притом, что денег на такси у неё не было – и где-то провести ночь и первую половину следующего дня. «Законники» вполне разумно заподозрили, что Мэри усадил в свою машину Честер Комер, и они вместе приехали в Оклахома-сити, где и затусили в клубе. Там Честер познакомился с Обертом Хейсом и вместе с последним отправился на «разборку» с бывшим мужем сестры последнего. Ну, а что такого – нормальное времяпрепровождение для пьяного в дупель убийцы... Ну, а брошенная Мэри на следующий день опять явилась к дверям клуба, рассчитывая опять затусить с Честером [или кем-то другим].

В общем, пазл начинал постепенно складываться, вернее, так показалось оклахомским «законникам». В Эйду, в дом Пиплс, немедленно была отряжена пара детективов полиции штата, которым надлежало допросить юную красотку о деталях её развлечений с Честером – вдруг последний говорил в её присутствии нечто такое, что прояснит события последних дней его жизни?

Однако разговор полицейских с Мэри Пиплс не заладился с самого начала. Девушка заявила детективам, что с Честером Комером не была знакома и в Оклахома-сити приехала автостопом, в клубе не была и ночь провела в кинотеатре. Детективы пытались увещевать юную прелестницу и призывали выполнить гражданский долг, сотрудничая с правоохранительными

органами, но Мэри уперлась! Ехала автостопом, смотрела кино до утра... Полицейские психанули, заявили мамаше, что её дочь арестована за попытку противодействия правосудию, и действительно увезли Мэри в Оклахома-сити, где поместили в камеру в здании департамента полиции.

Согласитесь, неожиданный поворот!

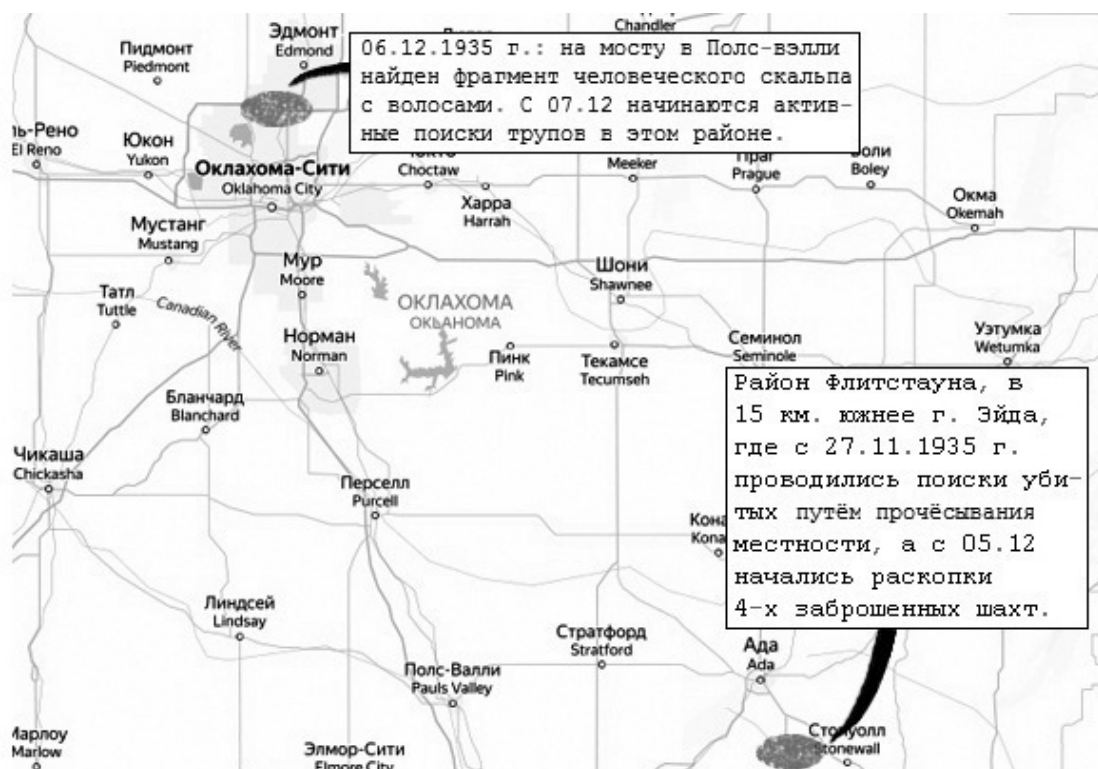

Здание суда округа Оклахома в г. Оклахома-сити, штат Оклахома (1940 г.). Согласитесь, звучит почти как «Ленинградский ордена Ленина метрополитен имени Ленина».

Далее, однако, стало интереснее. Вечером 6 декабря поступило сообщение об обнаружении в районе под названием Полс-вэлли (Pauls valley) к северу от Оклахома-сити фрагмента человеческого скальпа с волосами. Размер найденного лоскута кожи составлял приблизительно 6 см на 8 см, волосы были светлыми и короткими. Врач коронарной службы прибыл к месту обнаружения этой необычной находки и подтвердил, что найден фрагмент действительно человеческого скальпа. Волосы своей длиной и цветом соответствовали волосам адвоката Рэя Эванса.

Фрагмент скальпа был найден на брёвнах моста через реку Уошита (Washita) совсем не там, где до того искали труп пропавшего юриста. Расстояние от упомянутого моста до заброшенных шахт в районе Флитстоун составляло около 135 км по прямой. То, что фрагмент кожи с волосами зацепился за неровности настила моста, наводило на мысль о сбрасывании трупа в реку.

Это предположение требовало внимательного изучения берегов и дна реки Уошито вниз по течению, для чего требовалось закончить возню в районе Эйды и перебросить все силы на север. С полудня 7 декабря поисковые работы начались в Полс-вэлли. Вскоре они стали приоритетными – это произошло потому, что работодатель Честера Комера сообщил Клинту Кирсу, заместителю начальника Бюро уголовных расследований штата, что недалеко от этого моста, буквально в 200 метрах, Комер летом 1934 г. занимался монтажом водопровода. А стало быть, он прекрасно знал эту местность!

Обнаружение фрагмента скальпа, предположительно принадлежавшего пропавшему адвокату Рэю Эвансу, дезориентировало руководство розыскной операцией. Расстояние между местом поисков трупов в районе Флитстауна и Полс-вэлли составляло 135 км! Получалось, что тела убитых Комером людей искали совсем не там, где следовало.

Что последовало далее? 8 декабря Оберт Хейс неожиданно отозвал своё признание и заявил, что никогда не встречался с Честером Комером в клубе «Green Lantern» и никогда не ездил с ним к сестре. Он признался и «опознал» Комера по фотографии лишь потому, что рассчитывал понравиться полицейским. По его словам, у него имелись причины опасаться полицейского преследования, поскольку в мае 1934 г. против него было возбуждено уголовное дело по незаконному обналичиванию чека на сумму 50\$. Это правонарушение было совершено в другом штате, Оберт тогда работал в автомагazine, где он фактически украл чек клиента, полученный в оплату товара. Теперь Хейс заявил, что, подумав хорошенько, решил сознаться в том давнем правонарушении, но не запутывать полицейских, занятых расследованием преступлений Честера Комера.

Полицейские не поверили Оберту, и на арестанта было оказано сильное давление с целью побудить его вернуться к первоначальной версии показаний. Однако тот проявил удивительное самообладание и крепость духа и от своего отказа не отказался [уж извините за тавтологию, но она здесь уместна!]. Видимо, здравый смысл подсказал Оберту, что влезать в эту историю далее крайне для него опасно.

В тот же день 8 декабря поступила любопытная информация, предположительно способная пролить свет на возможное место сокрытия трупов. На этот раз в качестве такового места был назван участок местности в районе Ньюкасла, южного пригорода Оклахома-сити.

Началось всё с того, что местные жители, прочитав в газетах о начале розысков в Полс-вэлли, сообщили шерифу о том, будто видели у озера, расположенного примерно в 2,5 милях (~4 км) восточнее Ньюкасла, автомашину, которая подъезжала вплотную к воде. И некоторое время стояла там... Автомобиль был замечен 23 ноября, то есть как раз после убийства Симпсонов и до того, как Честер Комер словил «маслину» в лоб. Прибывшие для проверки сообщения помощники шерифа Клинт Джонсон и Эрл Гордон обнаружили кое-что интригующее,

а именно – забор, преграждавший путь от грунтовой дороги к озеру, оказался пробит таранным ударом бампера машины.

8 декабря 1935 г. от жителей сельской местности восточнее Ньюкасла, южного пригорода Оклахома-сити, поступили сообщения, из которых можно было заключить, что Честер Комер спрятал трупы убитых в одном из озёр. После осмотра указанного места руководство правоохранительного сообщества штата приняло решение развернуть поисковую операцию и там.

Озеро было искусственным, его создали для ведения в том районе работ по поиску нефти. Владелец земли согласился на осушение озера, разумеется, этим должны были заняться власти штата, а не он.

Для проведения поисковых работ в районе Ньюкасла туда также стали перебрасываться силы полиции штата и национальной гвардии.

Тело Рэя Эванса было найдено совершенно случайно 11 декабря человеком, не имевшим к розыску ни малейшего отношения. И, как несложно догадаться, совсем не там, где велись поиски тел убитых Комером. Фермер Уильям Мэсси (W.R.Massie) вместе со своим соседом по фамилии Хопкинс в тот день занимался перевозкой хлопка. Он обратил внимание на волчьи следы возле дороги и большого волка, притаившегося в сухой траве. Заинтересовавшись тем, что могло в этом месте привлечь внимание волков, Мэсси остановил повозку и направился в сторону волка. Хищник при приближении человека убежал, но на площадке позади кустов, примерно в 20 метрах от дороги, Мэсси обнаружил обнажённый мужской труп, сильно повреждённый как разложением, так и животными.

Несмотря на сильные посмертные повреждения, труп был идентифицирован в течение нескольких часов. В том числе и по волосам. Голова убитого не была скальпирована, что рождало обоснованный вопрос: чей же скальп был найден на мосту в Полс-вэлли?

Слева: благодаря своей находке Уильям Мэсси попал в газеты и моментально стал местной знаменитостью. Справа: на поле Мэсси моментально началось массовое паломничество зевак, которые ехали к нему на машинах, в бричках и даже шли пешком. В течение недели несколько тысяч человек посетили фермера, и он очень неплохо заработал на визитёрах и своих рассказах об обнаружении обнажённого трупа.

Впрочем, это была не единственная загадка. Вдова Эванса, узнав, что тело её мужа найдено полностью обнажённым и без каких-либо вещей поблизости, сказала детективам, что им следует искать золотые часы «Elgin» с бриллиантами и масонской символикой на корпусе. Эти часы были с адвокатом в его последней поездке, и поскольку их не оказалось ни возле трупа, ни в автомашине Эванса, стало быть, убийца забрал их с собою. Вряд ли он их выбросил – вещица была уж больно дорогой! – а значит, где-то часы должны были появиться. Их было легко опознать, и их обнаружение, возможно, могло бы помочь полиции внести ясность в контакты Честера Комера в последние дни его жизни.

Тело Рэя Эванса было найдено случайно и совсем не там, где велись его поиски. Цифрами показаны места поисковых операций жертв Честера Комера: 1 – в районе Флитстоуна, 2 – по течению реки Вошита в районе Полс-вэлли, 3 – в искусственном озере восточнее Ньюкасла.

Участок поля Мэсси, где был найден труп адвоката, подвергся тщательному осмотру, но ничего, способного указать на нахождение тел Симпсонов и второй жены Комера, обнаружить не удалось. Таким образом, можно было считать доказанным, что ответы Комера на вопросы о местонахождении тел убитых им людей истине не соответствуют. Поисковую операцию надлежало продолжать, но теперь стало совершенно непонятно, где именно искать тела?

Оберт Хейс и Мэри Пиплс категорически отказывались признавать свои контакты с Честером Комером, а потому на их помощь поисковой операции рассчитывать не приходилось.

Но кроме трупов убитых Комером людей следовало искать и пропавшие ценные вещи адвоката Эванса. От убийцы они могли перекочевать к его таинственному помощнику, в существовании которого в декабре 1935 г. мало кто из причастных к расследованию сомневался.

Впереди была большая работа с очень смутными шансами на успех.

Итак, 11 декабря вдова адвоката обратила внимание детективов на отсутствие необычных часов мужа, а уже на следующий день они были обнаружены в ломбарде! Часы были изъяты и доставлены в здание Департамента полиции в Оклахома-сити. Через несколько часов вдова Эванса, специально приехавшая в столицу штата из Шони, опознала вещь. Часы находились в исправном состоянии и правильно показывали время.

Это была большая удача правоохранительных органов, поскольку, как стало ясно из изучения журнала поступления залогов, часы были принесены ещё 26 ноября и за прошедшее время могли быть куплены [и притом не раз]. Владелец ломбарда, очевидно, пожадничал и «зарядил» такой ценник, что никто из потенциальных покупателей не рискнул выложить запрошенную сумму. Благодаря этому ценнейший вещдок благополучно пролежал на прилавке 16 дней и дождался-таки полицейских!

Автор должен признаться, что не нашёл изображений этих часов. Жаль, конечно, очень хотелось бы посмотреть, что они из себя представляли! Я знаю, что сайт «Загадочные преступления прошлого» читают американские любители криминальной истории, возможно, этот очерк привлечёт их внимание и сподвигнет на посещение архивов в Оклахоме – тогда через несколько лет могут появиться различные документы, связанные с «делом Честера Комера». Так что часы адвоката Рэя Эванса, возможно, ещё явятся нам из небытия. А в том, что они были сфотографированы, и фотография эта была размножена и распространена среди детективов, сомнений быть не может.

Обнаружение часов не только не положило конец розыску, но напротив, привело к его активизации.

Часы были принесены в ломбард 26 ноября, то есть тогда, когда Честер Комер уже лежал в больнице со смертельной раной. И принёс их сухопарый чернокожий мужчина! Полиция считала, что пособником Честера Комера мог быть Оберт Хейс, но тот был белым, а вот о сухопаром негре никто ничего не знал... Поворот оказался в высшей степени неожиданным! Негра следовало отыскать и выяснить, как и от кого он получил часы убитого адвоката.

Сдавший часы подписался в журнале как «TJ Robertson». В течение последовавших 48 часов личность этого человека была установлена – им оказался Теофил Робертсон, плотник по профессии. Он категорически отрицал наличие какой-либо связи с Комером. Отвечая на вопрос о происхождении часов, он рассказал довольно любопытную историю. По его словам, он получил заказ на ремонт гардероба [небольшой комнаты возле спальни] в доме №206 по Саус-Робинсон авеню (South Robinson avenue) в Оклахома-сити. Заказчиком явилась женщина, владевшая домом. Она проживала по другому адресу и направила плотника в пустовавший дом, дабы тот прикрутил в гардеробе галтели.

Робинсон явился по указанному адресу, открыл дверь ключами, полученными от хозяйки, и отыскал нужное ему помещение. Войдя в гардероб, он увидел лежавшие на полу

часы, которые, уходя, прихватил с собою. находку он отнёс в ломбард, где выручил за неё 1\$ наличными и талон на обед стоимостью 50 центов. Принимая во внимание, что золотые часы с бриллиантами стоили никак не менее 50\$ {а возможно, много более!}, нельзя не признать того, что владелец ломбарда заключил весьма выгодную сделку.

Чернокожий плотник, судя по всему, обнаружил то самое тайное «лежбище» Комера, которое полиция уже отчаялась найти. Преступник в пустовавшем доме №206 ночевал, приходя и уходя в тёмное время суток, когда его не могли заметить соседи. В гардеробе он укладывал матрас и спал, просыпаясь поутру, убирал за собою, дабы следы его пребывания не бросались глаза в случае появления владельца дома. Скорее всего, Комер умышленно оставил ценную вещь в гардеробе, предполагал вернуться ближайшей ночью, но незапланированная встреча с маршалом Морганом нарушила его планы.

Таким образом, история с исчезновением и последующим обнаружением часов убитого адвоката позволила частично реконструировать поведение Честера Комера, что представлялось в тот момент весьма важным.

Патрульный дорожной полиции Оклахомы (середина 1930-х гг.).

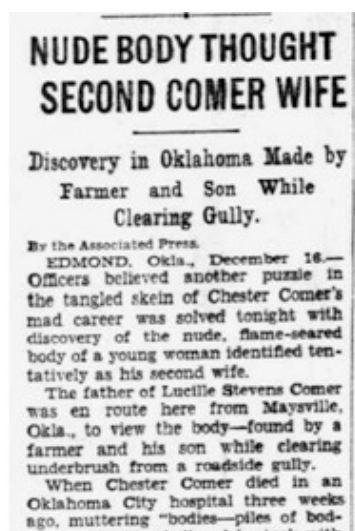
О чём следует упомянуть ещё? 12 декабря с правоохранительными органами связался фермер по фамилии МакКоннелл, знавший при жизни Честера Комера – пару лет назад они вместе занимались слесарными работами в водопроводной компании. Свидетель сообщил, что ранним утром 20 ноября видел Комера, управлявшего автомашиной, описание которой соответствовало описанию машины адвоката Эванса. Встреча произошла примерно в 6,5 км юго-восточнее города Стратфорд. По мнению следствия, преступник в те часы занимался тем, что избавлялся от трупа убитого адвоката. Информация эта ранее была бы весьма полезна и имела бы некоторую ориентирующую ценность, но к моменту появления свидетеля устарела, поскольку труп Рэя Эванса уже был найден.

Если бы МакКоннелл явился со своим сообщением на сутки или двое пораньше, то вполне мог бы претендовать на выплату губернаторской премии за содействие расследованию. Теперь же его рассказ никакой практической ценности не имел – прошлогодний снег никому не нужен!

14 декабря фермер по фамилии Гастингс, владевший значительным участком на окраине Эдмонда (Edmond), северного пригорода Оклахома-сити, обнаружил на краю своего поля обезображенный труп. Обнажённое тело когда-то было сожжено, а после того подверглось значительному посмертному разложению. По росту, общему сложению и остаткам крашенных волос средней длины можно было заключить, что останки принадлежат женщине.

На место обнаружения трупа прибыли криминалисты Клод Тайлер (Claud Tyler) и Билл Ридж (Bill Ridge). Изучив окружающую местность, они обнаружили следы двух костров – в одном было сожжено женское тело, а в другом – одежда и, по-видимому, женская сумочка. Преступник явно стремился максимально затруднить опознание, для чего вещи жертвы уничтожал на некотором удалении от трупа.

Исходя из известного описания примет второй жены Комера, местонахождение которой оставалось неизвестно, криминалисты предположили, что на поле Гастингса найден именно её труп. Собрав предметы, оставшиеся предположительно от её одежды и сумочки, криминалисты убыли. Супруги Стивенс, родители второй жены, 16 декабря были приглашены для опознания тела в морг Оклахомского окружного криминалистического бюро (Oklahoma county evidence bureau). В последний момент мать отказалась от участия в тяжёлой процедуре, и её место занял сын. Они признали в останках дочь (сестру), основываясь на цвете волос, росте и представленных деталях некоторых аксессуаров (в частности, они опознали металлическую пряжку и костяные пуговицы от платья, а также металлические уголки, оставшиеся от сгоревшей сумочки).

Сообщение от 16 декабря 1935 г. об обнаружении и предварительном опознании криминалистами обнажённого женского трупа, предположительно принадлежащего второй жене Честера Комера.

Напомним, что труп первой жены Комера был найден обнажённым. Также полностью раздетым оказался и труп адвоката Эванса. Обнаружение третьего трупа – второй жены преступника – также без одежды и обуви, позволяло сделать вывод о выработанной преступником модели поведения. Тот заставлял жертвы раздеваться, рассчитывая затруднить последующее опознание. С этой же целью одежда уничтожалась, либо выбрасывалась на некотором отдалении от трупов. Ни в одном из трёх случаев обувь убитых Комером людей найти не удалось. Скорее всего, преступник требовал жертву разуться задолго до раздевания и убийства. Цель предварительного разувания была довольно очевидной – страховка от побега, ведь босиком бежать неудобно и жертва, понимая это, откажется от попытки бегства.

Эти детали свидетельствовали о хорошей продуманности преступником своих действий. Честер Комер явно не был безумцем, он чётко знал, чего же именно хочет добиться, и понимал, как лучше это сделать.

16 декабря Губернатор штата Оклахома Марланд объявил о том, что продлевает до 1 января 1936 г. действие своего обещания выплатить 125 долларов в качестве награды за сообщение о местонахождении каждой из жертв Честера Комера, либо обнаружение каж-

дого тела. Через день – 18 декабря – Губернатор утвердил выплату премии в 125\$ фермеру Гастингсу, обнаружившему на своём поле труп второй жены Комера.

23 декабря трое чернокожих подростков – Аик Браун, Бад Чемберс и Роберт Артур – охотились на зайцев в округе Крик, удалённом от Оклахома-сити на 125 км. Место охоты было довольно глухим – расстояние до ближайшего города Сапульпа (Sapulpa) составляло 16—17 км, а до ближайшего посёлка, называвшегося Блю Белл, порядка 3,5 км.

Заяц, раненый выстрелом из мелкокалиберного ружья, скрылся в сухих зарослях шалфея, и подростки, взяв палки, стали валить траву, рассчитывая обнаружить раненое животное. Зайца они не нашли, но, к своему удивлению и испугу, увидели трупы двух белых мужчин, один из которых был полностью обнажён, а на другом из одежды остались светло-голубые штаны.

Для осмотра тел приехал шериф округа Крик Лью Уайлдер. Он и его подчинённые довольно быстро поняли, что обнаруженные трупы принадлежат отцу и сыну Симпсонам, жертвам Комера, не найденным до сих пор. Дело заключалось в том, что синие штаны подростка оказались вовсе не штанами, а комбинезоном с отрезанным нагрудником, кроме того, на колени штанов были наложены узнаваемые заплатки. На руке подростка остались детские часы «Buck Rogers» с хорошо узнаваемым циферблатом. И комбинезон с отрезанным нагрудником и заплатками, и часы были указаны в ориентировках на розыск 14-летнего Уоррена Симпсона, так что предварительное опознание без особых затруднений удалось провести прямо на месте обнаружения тел.

Трупы были найдены на удалении около 40 м от старой дороги. На полпути от дороги к тому месту, где лежали тела, были найдены кое-какие предметы одежды – кожаная куртка, мужской пиджак, шляпа, подтяжки, несколько в стороне – брюки.

Обувь убитых найти не удалось.

В кармане пиджака находился ключ от автомобиля и брелок. На брелоке с одной стороны был указан номер – 9072, с другой же красовалась эмблема автомобильного дилера «El Reno motor». Брелок в точности соответствовал тому, какой имел при себе фермер Симпсон, отправлявшийся в последнюю поездку.

Судебно-медицинское вскрытие показало, что отец был убит 3-мя выстрелами в голову с близкого расстояния, а сын – 2-мя выстрелами. Руки обоих продолжительное время оставались связанными – на это указывали странгуляционные следы, хорошо различимые, несмотря на выраженное разложение плоти.

Для опознания обнаруженных тел в Сапульпу в тот же день выехали Роберт Симпсон, брат пропавшего фермера, и лучший друг последнего Джон Тернер. Джон являлся владельцем похоронного бизнеса, и в поездку он отправился в катафалке с двумя гробами.

Вечером того же дня Губернатор штата сделал заявление, в котором подтвердил право юношей, обнаруживших тела отца и сына Симпсонов, на получение премии в 250\$ [то есть по 125\$ за каждое тело] из казны штата. А на следующий день «Американский легион», организация ветеранов Первой Мировой войны, членом которой являлся убитый фермер, сообщила о дополнительной выплате чернокожим подросткам 250\$ из собственного бюджета.

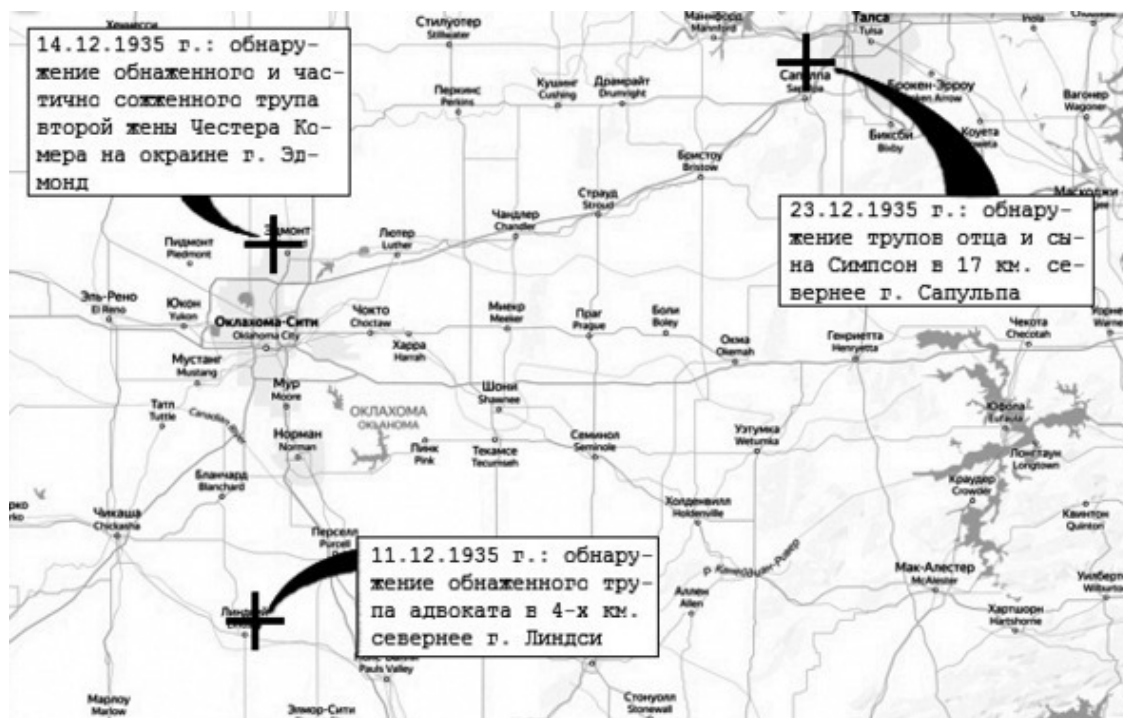
Газетная статья от 24 декабря 1935 г. с рассказом об обнаружении тел фермера Симпсона и его 14-летнего сына и их последующей идентификации.

26 декабря останки отца и сына Симпсонов были преданы земле.

Насколько можно судить по информации, собранной правоохранительными органами, Комер в самом начале нападения требовал от жертвы раздеться и снять обувь. После этого он связывал человека и транспортировал его к месту убийства либо в багажнике, либо на полу кабины автомобиля. Преступник привозил свои жертвы к местам, где впоследствии обнаруживали их трупы, живыми. Вытащив человека наружу, преступник отводил его на некоторое расстояние от дороги, очень небольшое, всего несколько десятков метров. Убив жертву, преступник оставлял тело, практически не пытаясь его замаскировать. Вторую жену он сжѐг не для того, чтобы скрыть факт убийства, а сугубо с целью затруднить опознание. Ему хватило ума понять, что если женщина будет быстро опознана, то это сразу же привлечѐт внимание к его персоне, а этого он, разумеется, не хотел.

Никакой системы в сокрытии тел найти не удалось. Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что тела убитых Комер оставлял совсем не там, где их искали. Возможность перемещаться на автомобиле делала убийцу очень мобильным и предоставляла простор для выбора места, в котором он мог бы расправиться с пленниками.

Преступник проезжал многие десятки километров со связанными людьми в багажнике и можно лишь догадываться, что испытывали и о чём думали те, кто имел неосторожность посадить этого парня в свою машину. С отцом и сыном Симпсонами негодяй проехал от места похищения порядка 140 км или даже более. Скорее всего, путешествие продолжалось не один час, и это была пугающая поездка с по-настоящему трагическим финалом.

Карта части штата Оклахома с обозначением мест обнаружения трупов жертв Честера Комера. Нетрудно заметить, что убитые преступником люди были найдены совсем не там, где их искали. Никакой системы в распределении мест.

В истории яростных – иначе и не скажешь! – похждений Честера Комера остался ряд деталей, не до конца прояснённых.

Например, не удалось выяснить истинную роль в произошедшем Оберта Хейса и Мэри Пиплс. Если, конечно, эти персонажи действительно сыграли некую роль. Ни Хейс, ни Пиплс не признали своего знакомства с Комером, хотя правоохранные органы придерживались иной точки зрения. Помимо родной сестры Хейса, ещё, по меньшей мере, 4 свидетеля заявили о том, что видели его в обществе человека, очень похожего на убитого преступника. Тем не менее, ничего доказать не удалось, Оберт категорически отрицал факт знакомства с Комером и, в конечном счёте, его пришлось отпустить.

Другой так и не прояснённый толком вопрос связан с куском скальпированной кожи с человеческими волосами, найденным на мосту через реку Уошита (Washita). Напомним, что эту улику связывали с убитым адвокатом, на основании чего планировались масштабные поиски по берегам реки и осмотр её дна. Однако после обнаружения трупа Эванса оказалось, что волосяной покров его головы не имеет скальпированных ран, а значит, найденный лоскут кожи с волосами никак не связан с убитым адвокатом.

Разумеется, следовало бы выяснить, кому же принадлежал этот фрагмент. Но правоохранные органы ясности в этом вопросе добиться не смогли. История с таинственным куском кожи из человеческой головы никакого разъяснения так и не получила.

К сожалению, такое в практике правоохранительной деятельности случается нередко. С точки зрения обывателя, привыкшего получать в конце детективного кинофильма или романа ответы на все вопросы [причём ответы, с точки зрения обывателя, логичные и непротиворечивые], подобный исход может показаться нонсенсом, чем-то таким, чего в жизни не бывает. На самом деле всё ровно наоборот! Даже в расследованиях, получивших в своё время широкую известность, имели место очевидные и прямо абсурдные ляпы, причём случилось это не только в США.

Например, в одном скандально известном деле, [о котором, возможно, я напишу особо] муж убил жену и растворил её тело. Во время следствия в ванне были найдены 2 кольца, принадлежавшие убитой. Казалось бы, всё отлично сходится, но... на суде выступил ювелир, работавший с заказами убитой женщины, и сообщил, что найденные в ванной кольца, хотя и похожи на те, что принадлежали жертве, но в действительности ими не являются! И более того, убитая вообще не могла их носить, поскольку они имеют слишком маленький размер. Отсюда рождается закономерный вопрос: а что же за кольца нашла полиция в ванне?

В другом скандальном расследовании – ему посвящён очерк «Персональная бактериологическая война доктора Хайда», опубликованный в сборнике «Грех Каина»⁸ – были обнаружены 2 быстродействующих яда в смертельных концентрациях. Фокус заключается в том, что эти яды не могли быть приняты одновременно! Если жертву убивает один яд, то откуда в трупе берётся другой, да притом в количествах, в десятки раз превышающих условно смертельную дозу?

Примеры можно множить, но смысл, полагаю, ясен. Разного рода абсурдные «косяки» происходят частенько, и никаких разъяснений правоохранительные органы им не дают. Просто игнорируют.

Можно предложить несколько вариантов объяснений того, по какой причине на мосту появился кусок человеческой кожи с волосами, но автор уверен, что читатели в его фантазиях не нуждаются и сами способны предложить пару-тройку здравых схем.

Конечно же, нельзя обойти молчанием и историю пропавших в Нью-Мексико туристов. Исчезновение супружеских пар Лориусов и Хебереров связывалось с действиями Честера Комера. Поисковая операция, проведённая вдоль предполагаемого маршрута проезда убийцы от Альбукерке до Далласа, результатов не принесла. ФБР отыскало свидетелей, видевших в мае 1935 г. подозрительно сильный огонь в пустыне, в силу чего возникло предположение, что убийца мог сжечь трупы. Комер, напомним, поместил в огонь труп своей второй жены, возможно, с иллинойскими туристами он пытался проделать то же самое?

В том районе, где был виден огонь, также была проведена поисковая операция. В небо даже поднимался самолёт с целью обнаружения следов большого костра. Всё оказалось тщетно – ни костровища, ни трупов найти не удалось.

Летом 1936 г. от находившегося в тюрьме осведомителя поступила информация, согласно которой трупы 4-х туристов из Иллинойса и 2-х других убитых были помещены в автомашину, которую некие преступники столкнули в воды озера в районе города Роузвелл (Roswell), штат Нью-Мексико. В силу понятных причин название озера и его местонахождение не разглашались.

Полиция штата отнеслась к заявлению со всей серьёзностью. Руководитель ведомства – Эдвин Хаус (E.J. House) – заявил, что озеро будет осмотрено. Быстро выяснилось, что это легче сказать, чем сделать. Озеро, расположенное в горном районе с резким перепадом высот, оказалось очень глубоким, практически от берега оно обрывалось вглубь, образуя на глубине 40 метров протяжённую площадку, а далее дно уходило ещё глубже, причём толком никто не знал, насколько глубоко.

⁸ Сборник очерков Алексея Ракитина «Грех Каина. Острые семейные конфликты на примерах подлинных уголовных расследований» опубликован в феврале 2023 г. с использованием книгоиздательского сервиса «ридеро» и ныне доступен на всех площадках электронной книжной торговли.

Статья в газете от 14 июня 1936 г. с рассказом о предстоящей поисковой операции в озере в горном районе около города Роузвелл, штат Нью-Мексико. Глава полиции штата Эдвин Хаус сообщил журналистам, что в ходе предстоящих мероприятий предполагается обнаружение трупов 6 человек и, по крайней мере, 1 автомашины.

Для проведения поисковой операции был приглашён профессиональный водолаз Эдмунд Лэйн (E. O. Lane) и целая бригада обслуживающего персонала с компрессорной установкой. Результат месячной возни оказался совершенно неудовлетворителен – никакой утопленной автомашины с труппами в озере не оказалось.

Тюремный осведомитель пошутил. Или ошибся. Или всё выдумал.

История исчезновения туристов из Иллинойса и возможная связь случившегося с Честером Комером до сих пор не получили необходимых ответов. В 2010 г. Норман Роудс, сотрудник полиции штата Нью-Мексико, сообщил в одном из интервью, что дело это никогда официально не закрывалось и в настоящее время находится в его ведении. По словам Роудса, в рамках расследования собрано довольно много информации, кроме того, собственное расследование проводили также родственники пропавших туристов, в частности, внучка пропавшей в мае 1935 г. Лоры Лориус.

В 1963 г. дала признательные показания женщина, утверждавшая, будто она была свидетелем убийства 2-х семейных пар из Иллинойса. По её словам, туристы были захвачены в кафе в городе Вон (Vaughn), свидетельница в этом кафе работала официанткой. Убийца увёл туристов в подвал, где и расстрелял. Женщина назвала преступника – к 1963 г. тот был уже мёртв – и сообщила судьбу тел убитых. По её словам, трупы были скрыты под полом и залиты бетоном.

К тому времени, когда свидетельница приняла решение рассказать об увиденном, здание было уничтожено, и на его месте возведено другое. Точное место, где могут находиться тела, установить практически невозможно.

Никаких деталей, способных пролить свет на то, кто именно и для чего убил 2 супружеские пары, детектив Норман Роудс не сообщил. И вообще, не совсем ясно, насколько же, по его мнению, информация, полученная в 1963 г., заслуживает доверия.

В истории Честера Комера много неясного и непонятного. Его родители считали, что сын сошёл с ума, но подобное суждение вряд ли справедливо. Преступник действовал хорошо продуманно, заметал следы, менял машины и прекращать начатое явно не собирался. Безусловно, его срыв был спровоцирован неким стрессом, но к безумию случившееся не имело отношения. Первую жену он убил более чем за год до того, как начал свой «сериал». Затем убил вторую и почти 2 месяца после этого вёл жизнь рядового законопослушного обывателя. Этот человек

явно хорошо обдумывал свою маскировку, планировал нападения и обходился без экспромтов – а всё это кардинально противоречит предположению о нервном срыве или сумасшествии.

Комер являлся социопатом кристальной чистоты, мизантропом, человеком без совести, чести и жалости. Переступив однажды человеческие запреты, он не пожелал остановиться.

Подбирая попутчиков на дороге, сажая в свою автомашину незнакомых людей, помните о том, что не все они могут быть хорошими и нравственными, не все они заслуживают доверия. Честер Комер был убит в ноябре 1935 г., но тысячи и даже десятки тысяч честеров комеров живут среди нас, оставаясь неузнанными.

Тихая охота тихони

Утром 16 декабря 1969 года Эдвард Стюарт (Edward Stewart) явился на своё рабочее место в магазине «Charman Electric» на улице Уильямс-стрит (Williams street), в городе Рентон, штат Вашингтон, и согласно заведённому порядку отметил свою карточку в автомате, фиксирующем время. Он поздоровался с менеджером по фамилии Домбровски (Dombrauski), прошёл на склад, где было его рабочее место и... тихонечко ушёл из магазина. Эта маленькая самоволка запустила цепь событий, с которой Стюарт никогда бы не хотел иметь ничего общего, но вышло так, как вышло!

Впоследствии Стюарта спрашивали бесчисленное число раз, для чего тем утром он покинул рабочее место? Эдвард не служил в Советской Армии, а потому пословицу «солдат спит – служба идёт» знать не мог, но, по-видимому, он не был чужд привычек, органически присущих советскому солдату-срочнику. Во всяком случае, «самоволки» ему нравились, и тихонечко сбежать по утрам с рабочего места Эдвард любил.

Выйдя к руслу реки Сидер (Cedar), протекавшей неподалёку от магазина, молодой человек пошёл по грунтовой дороге вдоль берега. Будучи заядлым рыбаком, он хотел разведать места с удобным спуском к воде. Миновав дом №55 по Уильямс-стрит, Эдвард попал в пустынный район, лишённый в то время застройки.

Пройдя некоторое расстояние по грунтовой дороге, всё так же следовавшей по берегу реки Сидер, Эдвард повернул голову в сторону от воды и увидел нечто, что принял поначалу за брошенный манекен. На удалении 9—10 метров от дороги лежало белое человеческое тело, наполовину раздетое, с раздвинутыми ногами. Один ботинок находился возле тела, другой – у дороги, возле того места, где стоял Эдвард. На ногах лежавшего белели носки, бросавшиеся в глаза на фоне тёмного грунта.

Стюарту потребовалось несколько секунд, чтобы осознать – он видит женщину, и она неживая! Стюарт помчался назад, к магазину, но на подходе к нему столкнулся со своим коллегой Ричардом Ниemi (Richard Niemi). Ричард был старше Эдварда на 2 года и производил впечатление человека спокойного и рассудительного. Стюарт сообщил ему об увиденном и добавил, что следует вызвать полицию, но Ниemi его остановил, сказав, что сначала следует исключить возможность ошибки. Он предложил Эдварду сходить к телу и удостовериться, что это именно труп, а не что-либо иное.

Этот обзорный фотоснимок, сделанный утром 16 декабря 1969 года, позволяет получить представление о местности, в которой было найдено женское тело. У правого обреза фотографии можно видеть ноги убитой.

Молодые люди вместе повторили путь вдоль реки Сидер и увидели женское тело. Ниemi не стал подходить близко к трупу, посмотрев на него некоторое время, он с подозрением в голосе спросил Стюарта, что тот вообще делал в этом месте в рабочее время? Эдвард рассказал про любовь к рыбалке и поиск спуска к воде... Ниemi, выслушав такое объяснение, лишь хмыкнул да пожал плечами.

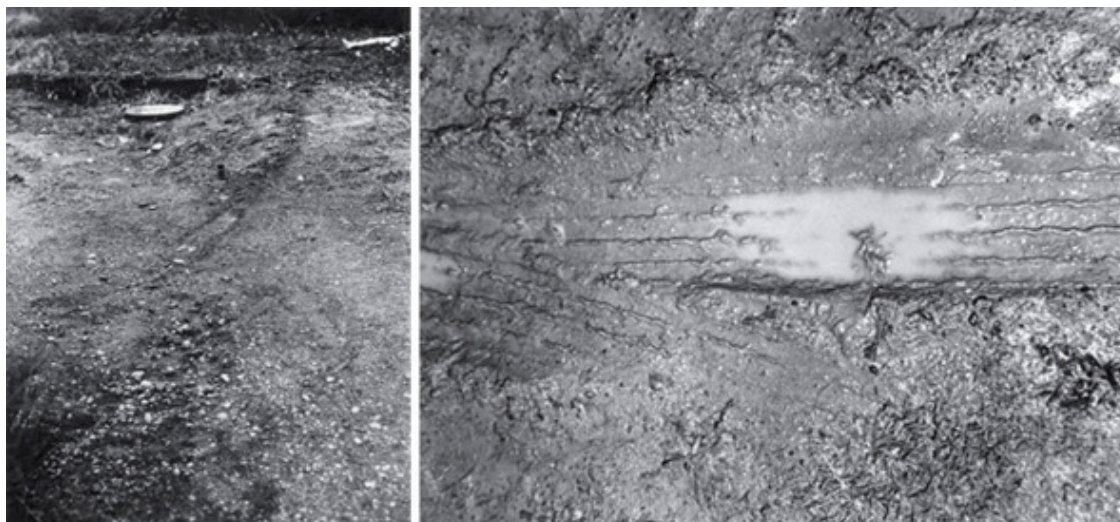
Молодые люди пришли в магазин и рассказали своему начальнику об увиденном. Домбровски позвонил в полицию и сообщил о том, что один из его работников утверждает, будто видел труп белой женщины на берегу Сидера. Положив телефонную трубку, менеджер с подозрением поинтересовался у Стюарта, что тот делал на берегу реки в рабочее время? Эдвард рассказал про любовь к рыбалке и поиск спуска к воде, чем вызвал скептическое хмыканье шефа. Домбровски взял карточку учёта рабочего времени Стюарта и, убедившись, что время там проставлено надлежащим образом, моментально догадался, как Эдвард обманывал его, прогуливая оплаченные часы. Он пообещал депримирировать продавца за прогул, чем радикально испортил ему настроение.

Если раньше Стюарт мог чувствовать себя героем, открывшим факт преступления, то теперь он заподозрил, что не всё в этой жизни так однозначно!

Через несколько минут к зданию магазина подъехала автомашина с патрульными Рэем Смитом (Ray Smith) и Дэйвом Шодэ (Dave Saude). Усадив в машину Стюарта, полицейские попросили показать им то место, где находится труп. Приехав на берег реки Сидер, патрульные нашли тело, вызвали по радиостанции детективов и криминалистов из окружного Бюро, после чего записали установочные данные Стюарта. Само собой, они поинтересовались, какая нелёгкая понесла Эдварда хмурым декабрьским утром на берег реки, если он должен был находиться в магазине.

Стюарт рассказал о любви к рыбалке и... ну, вы поняли, да? Патрульные выслушали его объяснение, переглянулись, хмыкнули и ничего не сказали.

Смит и Шодэ обнаружили первые потенциально важные следы. В мягком грунте, размочшем после вчерашнего дождя, остались неплохие отпечатки автомобильных протекторов. Машина явно проезжала уже после ливня, закончившегося около 21 часа, и – что представлялось особенно важным! – как будто бы разворачивалась и сдавала немного назад, словно бы выезжая из колеи. В том месте, где водитель автомашины совершил этот маневр, начинался след волочения прямо туда, где лежал женский труп. Длина этого следа составляла 9—10 метров. На удалении приблизительно 1 метра от места начала следа волочения в грязи лежал женский ботинок без шнурка. Второй такой же ботинок – и тоже без шнурка – находился подле трупа.

Патрульные, прибывшие к месту обнаружения женского трупа первыми, обнаружили след волочения на грунте (фотография слева) и следы автомобильных протекторов (справа). Климат в штате Вашингтон дождливый, в зимнее время осадки выпадают буквально ежедневно. То, что следы покрышек хорошо сохранились, свидетельствовало о недавнем [после последнего дождя] проезде автомашины. Кроме того, наложение следов указывало на маневрирование автомашины именно в том месте, откуда начиналось волочение тела.

Всё это выглядело так, словно водитель автомашины, проезжая по дороге, решил остановиться, стал совершать разворот и сдал немного назад, после чего вышел из машины и выбросил из неё женское тело, которое затем оттащил в сторону от дороги. Судя по ширине колеи и размеру покрышек, автомобиль был легковым, но пикапом или седаном – не представлялось возможным определить.

В скором времени прибыли детективы Департамента полиции Рентона Дон Дэшни (Don Dashnea) и Вэлли Хьюм (Wally Hume). Ещё до того, как приступить к осмотру места обнаружения трупа, они поинтересовались обстоятельствами и временем его обнаружения. Последовали вопросы к Эдварду Стюарту, всё ещё сидевшему в автомашине патрульных. Ответы Эдварда про любовь к рыбалке выше уже приводились, так что повторяться не станем. Детективы если и удивились услышанному, то виду не подали.

Ещё через четверть часа появился капитан Билл Фрейзи (Bill Frazee). Последний и возглавил расследование со стороны полиции. Которое он также начал с вопросов об обстоятельствах обнаружения тела. Бедолага Стюарт в очередной раз поведал о поиске спусков к воде и самовольном уходе с работы и, должно быть, крепко пожалел о том, что любил рыбалку, а не игру в шахматы! Особенно в контексте того, что менеджер пообещал наказать его материально.

Что полиции дал осмотр тела и местности в непосредственной от него близости? Убитая являлась молодой женщиной белой расы, обнажённой ниже пояса. Пуловер золотисто-жёлтого цвета оказался поднят в область подмышек, так что был виден бюстгальтер, на ногах остались гольфы. На расстоянии 50—60 см по разные стороны от тела находились синие джинсы и женские трусики [они не были разорваны]. На удалении 1,5 метров от трупа в направлении от просёлочной дороги на земле лежала коричневая куртка с тёмно-синей подкладкой. В её кармане полицейские обнаружили небольшую кожаную визитницу, а в ней – водительские права штата Вашингтон на имя Кэрол Адель Эриксон (Carol Adele Erickson). Фотография на правах казалась похожей на лицо мёртвой, так что в первом приближении можно было считать потерпевшую опознанной, хотя, разумеется, сие не отменяло необходимости провести позднее официальное опознание тела.

При осмотре трупа стало ясно, что на шее умершей присутствуют подозрительные следы, оставленные как будто бы шнурком или проволокой. На небольшом удалении, возможно, полметра или чуть более, на грунте лежали шнурки. Напомним, что женские ботинки, замеченные патрульными Смитом и Шоде, были без шнурков.

Патрульная машина полиции на месте обнаружения тела убитой молодой женщины у реки Сидер 16 декабря 1969 года.

К месту обнаружения тела постепенно подъезжали всё новые полицейские силы. Сразу надо сказать, что полиция в 18-тысячном Рентоне была невелика – всего 55 человек по штату [а детективов всего 6!] – так что присутствие у реки Сидер в те часы даже 15 человек свидетельствовало об экстраординарности происшествия. Следы покрышек в грязи были зафиксированы гипсовыми слепками – это было важно для дальнейшего расследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.